

БЕЛЛА АВРОРА

Женская Обурья

Первый Акт

Меня зовут Катарина. Или это то имя, под которым меня крестили, без разницы. Я живу в монастыре. Я монахиня в процессе обучения. Послушница. Мне 18 лет. Я хищница. Никто не скроется от меня. Я под защитой. Никто не доберется до меня. Днем я-одна, ночью-другая. Меня зовут Катарина. Кодовое имя: Ночная Фурия. Никто не скроется от меня. Я приду за тобой.

Пролог.

Воспоминания из детства.

Какая у них цель?

Успокаивать слабоумных? Возможно, напоминать им о лучших временах? Быть надеждой в черные дни?

Воспоминания субъективны и односторонни.

У них двойной смысл.

Воспоминания из моего детства не такие, как у других.

Я не помню маму... или папу, если на то пошло. Я впервые помню себя в возрасте пяти лет. Это воспоминание часто возвращается.

Оно повторяется.

Это урок, который я не забуду. В этом мне хорошо помогает память.

Я вздрогнула и проснулась. Тяжело дыша, вся в поту и злая. Рычание зарождалось в глубинах моего горла, это больно, но боль приятная. Я не могу вспомнить сон.

Я слышу ее голос, моей мамы, но ее лицо в тумане. Это злит меня. Бесит. Мое рычание становится гортанным, на лице капельками выступает пот. Я трясусь от гнева. Они насмеются надо мной, мои сны.

Я прикладываю кулаки к вискам. Мне не нужен кто-то, чтобы сказать, что мои костяшки побелели. Я сжимаю их так сильно, что они немеют. Она там. Я знаю, она там.

Почему я не могу вспомнить ее?

Монахини говорят мне, что невозможно иметь эти воспоминания, и они — просто кошмары. Мой мозг обманывает меня.

Сестра Френсис открывает дверь в мою спальню. Это всегда она. Она единственная, у кого хватает терпения разбираться со мной. Все остальные сдались. Мне нравится Сестра Френсис.

Непрерывно рычу, пока горло не начинает саднить. Я избегаю ее взволнованного взгляда. Она воркует в другом конце комнаты, руки раскрыты, но что-то мешает ей предоставить мне комфорт, в котором я так отчаянно нуждаюсь.

Мое рычание прекращается. Вместо этого я вслушиваюсь.

Отец Роберт сдерживает Сестру Френсис. Они тихо спорят. Я не уверена, что происходит, но Сестра Френсис... ее лицо морщится. Она складывает руки в мольбе, выражение ее лица умоляющее, когда она просит. Он качает головой, и он непоколебим.

Она опускает подбородок, закрывает рот ладошкой и рыдает. Выражение лица Отца Роберта остается неизменным. Секунду он выглядит почти извиняющимся. Когда он начинает входить в мою спальню, она кричит, бормочет и ворчит, напрасно пытаюсь удержать его.

Мое сердце бьется с перебоями даже сейчас, в настоящем.

Его лицо. Выражает гнев. О, даже ярость...

Когда он резко отодвинул ее, она споткнулась. Мое тело оцепенело. Давление растет в ушах. Мне не понравилось это. Я хочу выцарапать ему глаза.

Я даже не осознаю, что сижу здесь, как статуя, наблюдая.

Не проверив, как она, Отец Роберт входит в мою комнату, а Сестра Френсис кричит снова и снова:

— Мне очень жаль, малышка. Мне жаль.

Впервые в моей жизни я больше не злюсь.

Страх рванул по моим венам, пульсируя в висках с каждым ударом сердца. Отец Роберт запер за собой дверь.

— Пришло время начать обучение, Катарина, — он остановился на полпути и встал в середине моей спальни. — Ты была послана нам как подарок от самого Бога. Ты поможешь нам в нашем деле.

Я не понимаю, о чем он говорит. Мой мозг слишком молод, чтобы понять, что он хочет сказать мне. Вытаскивая рубашку из штанов, он приближается ко мне:

— Пришло твое время начать обучение.

Мой урок в этот день был простым.

Я — подарок, и этого хочет Бог.

Минуту я оглядываю комнату с моего места на кушетке.

Пустая. Моя комната пуста, точно так, как мне нравится. Мне не нужны вещи. Материальные вещи ничего не значат для такого человека, как я. Они расходуются на смиренных единомышленников.

Я соскальзываю с кушетки и становлюсь на колени рядом с кроватью. Мои глаза закрываются. Я хватаю четки, складываю руки вместе и начинаю тихо читать мою утреннюю молитву. Отец Роберт все сделал так, как и сказал в тот день.

Он обучил меня. Обучил меня тем вещам, которым не должны обучать ребенка. Но я другая.

Не переживайте за меня. Божья воля никогда не должна подвергаться сомнению. Это моя судьба. Я скажу вам одну вещь, слушайте внимательно и учтите мое предупреждение.

Вещи не всегда то, чем они кажутся.

Глава 1

— Проклятье, Катарина, — пыхтит он.

Мое собственное неровное дыхание выбивается порывами. Пот стекает по вискам. Напряжение делает такое с человеком. Он удерживает меня так сильно, что мне не вырваться. Сжимает зубы и рычит:

— Борись со мной.

Ему нравится, когда я борюсь с ним. Это делает его счастливым. Так что я так и делаю.

Я делаю все, что Отец Роберт говорит мне. Он называет меня "моя хорошая девочка", даже несмотря на то, что я далеко не хорошая. Мне постоянно напоминают этот факт. Я стараюсь выбраться из его захвата, выдыхая:

— Я пытаюсь.

Он притягивает меня сильнее к своему телу:

— Не надо пытаться, надо просто делать.

Господи, пожалуйста, дай мне силы, которые мне нужны для борьбы.

Мне нужно бороться. Он будет разочарован, если я не буду этого делать.

Его тяжелое дыхание становится порывистым. Он сердит на меня, на отсутствие попыток. Одна рука сжимается вокруг моей талии, другая вокруг шеи. Я не подчиняюсь. Никогда.

Он захватывает мою шею, и я начинаю хрипеть. Давление на горло становится невыносимым. Отец Роберт делает это специально. У меня проблемы с людьми, которые касаются моей шеи. Он знает это. Я понимаю, что он делает: он вынуждает меня бороться.

Его уговоры срабатывают.

Мой гнев разрастается, медленно обжигая желудок, иссушая мои внутренности, я стала той, кем он хочет, чтобы я была. Рычание вырывается из моего горла.

Отец Роберт жестоко смеется:

— Вот так, Кэт. Разозлись, — я поднимаю колено и ударяю пяткой по его ноге так сильно, как могу.

Он ворчит:

— Черт, — его руки ослабевают на секунду, прежде чем он восстанавливает дыхание. — Хорошо.

Гнев кипит в моих венах. Я не хочу причинить ему боль. Я хочу убить его.

Обнажая зубы, я рычу в ответ. Мой локоть врезается ему в ребра. Он не показывает, что ему больно, только воздух со свистом вырывается из него. Мой гнев продолжает расти, перетекая в ярость. Тело сражается, голова мечется из стороны в сторону, я издаю животный рев.

А он смеется. Смеется надо мной.

Я взбешена. Мой гнев настолько силен, что тело дрожит. Внезапно, я хочу зареветь, чувствуя себя беспомощной, как торнадо, который заперли в маленькой коробочке. Он хватает меня за волосы, и я визжу, когда он сильно дергает за мой хвостик, губы задевают мое ухо:

— Используй то, что имеешь.

Мой мозг проясняется перед тем, как я открываю рот и кусаю руку, которая держит меня за шею, впиваясь зубами достаточно сильно, чтобы прокусить кожу.

Отец Роберт орет так громко, как может. Я чувствую его кровь во рту, и вместо того, чтобы испытывать тошноту, это питает меня, как бензин, вылитый в огонь. Удовольствие курсирует по моим пульсирующим венам.

Больше не смеетесь, да, Отец?

Я ухмыляюсь и облизываю губы, наслаждаясь металлическим вкусом маленькой победы.

Учитывая, что Отец Роберт ростом около 192 см и содержит в себе примерно 105 кг мышц, а я только 170 см и весом 63 кг, возможно, победа не такая уж маленькая.

Адреналин во мне начинает утихать, а с ним и гнев. Мое тело становится вялым и с трудом двигается. Отец Роберт чувствует это. Теперь я бесполезна для него. Он отпускает меня, кладет руку мне на голову и игриво отталкивает.

Я падаю на мягкий мат, пыхтя и сопя. Пот капает на пол передо мной. Прищурившись, смотрю на его суровое лицо.

Его некогда черные волосы, теперь с сединой, коротко подстрижены. Широкая грудь и

плечи поднимаются с каждым вдохом. Черные тренировочные штаны скрывают длинные крепкие ноги, и он без обуви. Его темно-карие глаза сверлят мои. Если бы он не был священником, то Отца Роберта считали бы довольно привлекательным.

Не то, чтобы это не так. Я видела, как женщины смотрят на него. Конечно же, я не рассматривала его с этой стороны. Этот мужчина для меня самый близкий человек, фактически отец. Он скрестил руки на груди, и ворчит:

— Катарина, какого хрена это было?

Угрызения совести пронзают меня, и я опускаю голову.

Он вздыхает:

— Тебе нужно лучше стараться. Сегодняшнее занятие было ужасным. Отвратительным.

Мое дыхание все еще тяжелое, я поднимаюсь на слабые ноги и подхожу, чтобы встать перед ним.

— Мне жаль, Боб. У меня утром был выходной, — большие руки легли мне на плечи.

Он наклоняется, чтобы посмотреть мне прямо в глаза:

— Прекрати думать о постороннем, Фурия.

Я киваю.

— Ты убьешь сама себя.

Киваю еще раз.

Он прав, в конце концов.

Его голос становится резким, когда он говорит:

— Если ты убьешь себя, то я найду способ воскресить тебя, чтобы самому прикончить.

Не могу удержаться от усмешки независимо от того, как сильно стараюсь:

— Мы не верим в воскрешение, Отец Роберт.

Он закатывает глаза и говорит:

— Очень смешно.

Обнимает меня за плечи и ведет обратно к моей комнате:

— Никаких занятий сегодня вечером, твой мозг перегружен. Выспись, и начнем завтра все сначала, — в его голосе слышно разочарование, и я не могу справиться с расстройством, засевшем во мне.

Соберись, девочка.

Я шепчу:

— Мне очень жаль. Я буду стараться лучше.

Когда мы подходим к двери в мою комнату, он поворачивается ко мне, наклоняется и целует меня в лоб:

— Я это знаю.

Его отеческая улыбка согревает меня. Я улыбаюсь в ответ, хоть и слабо.

— Бог в помощь, Катарина.

— И вам, Отец.

Секунду он колеблется в нерешительности. Наконец, берет мою руку и тихо говорит:

— Я позволил тебе быть неподготовленной в прошлый раз. Мы все почти заплатили за твою... Я имею в виду, мою ошибку. Это вновь не произойдет, дитя. Я обещаю.

Мои щеки сильно покраснели. Жар исходит от меня слабыми волнами.

Он должен был вспомнить это, не так ли?

Это не так, будто я не думаю о той ночи каждый день. Это не так, будто с тех пор я не потеряла сон из-за этого. Он, извиняясь, улыбается, а потом оставляет меня размышлять над

ЭТИМ.

И я размышляю.

Глава 2

Воспоминания о той ночи преследовали меня.

Отец Роберт всегда берет вину на себя, но правда в том, что это была моя ошибка. Я знаю это.

Все это знают.

Это всегда будет бельмом у меня на глазу. Я ничего не смогу с этим поделать, только жить дальше.

Я надеваю простую белую рубашку с длинными рукавами, полностью застегиваю темно-синюю юбку в клетку, длиной ниже колен, темно-синие колготки и черные балетки. Закрепляю шпильками на голове темно-синее покрывало монахини, закрываю глаза, читаю молитву и выхожу из комнаты.

Чаще всего послушницы не надевают покрывало монахинь, так как это не требуется, но если они выбирают покрывало, как я, то оно будет короче, чем у монахинь и темнее по цвету. Сложив руки вместе перед собой, в тишине направляюсь на кухню, где слышу приятный смех Сестры Френсис. Я улыбаюсь и вхожу.

Сестра Френсис, по локоть в тесте для хлеба, поднимает голову и улыбается мне лучезарной улыбкой:

— Ну, не уж то это моя маленькая кошечка Кэт, — она подмигивает, а я борюсь с желанием закатить глаза.

Сестра Френсис, которую я ласково называю “Френки”, как сестра мне. Она милая, добрая и забавная, все, что я когда-либо хотела иметь в сестре, если бы могла выбирать ее. Она на 10 лет старше меня и красива естественной красотой. Ее медно-красные волосы длинные и волнистые, глаза самые голубые из всех голубых оттенков, а кожа алебастрово-бледная. Хотя то, что делает ее очень симпатичной — это ее улыбка.

Когда Френки улыбается, улыбаются все вокруг. Ее улыбка — праздник, который привлекает другие улыбки.

— Доброе утро, Френки.

Я игнорирую вспышку раздражения от Сестры Арианны и быстро приветствую и ее:

— Доброе утро, Сестра.

На несколько лет старше Френки, сестра Арианна, худая, как щепка, белокурая, зеленоглазая, правильная, хорошо воспитанная и в меру строгая. Ее французский акцент просто обалденный. Она может превратить любое оскорбление во что-то вежливое и эффектное.

— Доброе утро, дорогая. Я бы попросила сохранить такие фамильярности до тех пор, когда вы окажетесь за пределами церкви, хорошо? — ее пристальный взгляд режет меня, как горячий нож по маслу.

Чувствуя себя отчитанной, быстро отвечаю:

— Конечно, Сестра.

Оборачиваясь к Френки, я бормочу:

— Извините, Сестра Френсис, — потом возвращаюсь обратно к Сестре Арианне: — Такого больше не повторится.

Френки и слышать об этом не хочет:

— О, ради всего святого, Ари, никого нет поблизости! Мы знаем правила, хорошо?

Сестра Арианна улыбается мне:

— Я знаю, но Кэт хорошая девочка.

Она поворачивается и впивается взглядом в Френки:

— Она слушает меня, в отличие от некоторых. Кроме того, любое плохое поведение плохо отразится на Отце Роберте. Понимаешь?

Френки закатывает глаза перед Ари, и поворачивается ко мне:

— Слушай, детка, у меня есть для тебя дела на кухне, но в любом случае я сделала большинство из них. Не могла бы ты взять на себя работу в саду?

Я прячу улыбку. Работа в саду. Мое любимое занятие.

— Да, Сестра Френсис, — прежде, чем она сможет передумать, я выхожу через заднюю дверь.

Как только я прохожу через нее, слышу, как она кричит:

— И ради Бога, зови меня Френки!

Я люблю работать в саду.

Что-то в сборе свежих овощей на прохладном утреннем воздухе успокаивает меня.

Я занимаю себя, собирая самые спелые томаты, самые зеленые огурцы и самые насыщенные перцы для вечернего ужина. Подношу каждый овощ к носу и вдыхаю земляную сладость, прежде чем кладу их в свою корзинку.

Это, вероятно, не так важно для большинства людей, но этот сад особенный для меня. Я выращиваю эти овощи и зелень сама. Я лелеяла их, подкармливала их и относилась к ним с особой тщательностью.

Они то, что есть у меня, и никто не сможет отнять это. Этот сад — мой рай.

Когда мне плохо, я молюсь здесь под открытым небом. Я чувствую себя ближе к Богу здесь, чем в церкви. Безумно, я знаю.

Церковь — все, что у меня есть. Она — моя семья.

И это нормально. Я знаю, у нас нет выбора, с чем нам столкнуться в жизни, но если бы выбор был, я оставила бы все, как есть.

Не каждый день все легко, как сегодня. Большинство дней начинаются с подъема ранним утром, а отправляюсь спать я только поздно ночью. Это утомительно, но необходимо. Так говорит Отец Роберт. И я доверяю ему.

Я родилась, чтобы быть той, кто я есть. Мне сказали это в раннем детстве. Сообщение отложилось в моей голове. Это для общего блага. Должны быть принесены жертвы. Нет другого пути.

Судьба может быть жестокой стервой.

— Кэт. Дорогая?

Я положила совок и повернулась к знакомому голосу. Сестра Арианна шла ко мне с выражением беспокойства на ее утонченном лице. Мой желудок внезапно падает вниз.

Я люблю Ари так же, как и других сестер, но она та, кто решает задачи. У нее мозги инженера, ей нужно знать, как что работает, какие возникают проблемы и как их решить.

Мысленно я закатываю глаза в ожидании того, что случится.

Она садится на скамейку, которая ближе всего ко мне. Я беру лопатку и рою еще одну ямку в мягкой, коричневой почве сада, готовая пересадить еще кучу базилика.

— Ты не хочешь поговорить со мной о том, что тебя беспокоит, дорогая?

Я издаю звук, наполненный насмешкой. Я не хотела выпускать его, но у моего рта свои желания. Когда мы с Ари наедине, я могу говорить откровенно.

— Ари, я — 18-летняя девочка, живущая в женском монастыре при церкви в маленьком городке. Иногда, самым запоминающимся моментом моего дня становишься ты, надоедающая мне, — она тепло улыбается, и я улыбаюсь в ответ. Внезапно моя улыбка исчезает, и я кое-что осознаю. Резко выдыхаю и смотрю в пустоту.

— Ух, ты. Это и правда печально, не так ли?

Ее лицо вытягивается, но лишь на мгновение, прежде чем она исправляет это широкой улыбкой:

— Нет, малышка. Все могло бы быть гораздо хуже.

Я торжественно киваю. Все могло бы быть гораздо хуже, но прямо сейчас, я не думаю ни о чем наиболее худшем, чем быть отделенной от остального мира и жить, как отшельник. Такова жизнь.

Возвращая внимание обратно к саду, я беру базилик и колдую над ним.

— Что он такого сказал, что ты забеспокоилась, Ари?

Ее лучезарная улыбка становится печальной:

— Боб... он беспокоится за тебя. Он задается вопросом, будешь ли ты когда-нибудь готова.

Вот в чем дело, я поднимаю голову, злость искажает мое лицо. Ари недовольно говорит, дотягиваясь рукой до моего лица:

— Ты слишком симпатична, чтобы делать такое лицо, — она гладит меня по лбу, уговаривая. — Не делай такое сердитое лицо. Оно не идет тебе, ангел мой.

Я сыта по горло, бросаю лопатку и утверждаю:

— Я готова, Ари. Я готова уже два чертовых года.

На ее лице отражается удивление в ответ на мою вспышку.

Я не обвиняю ее, обычно я довольно пассивна, но устаю переживать свою ошибку по нескольку раз на день. Только если... Я встаю прямо перед ней:

— Позволь мне доказать это.

Ее брови приподнимаются в недоверии, прежде чем глаза сощуриваются:

— Доказать? Ты хочешь доказать это мне? Как, можно спросить, ты собираешься это сделать?

— Сегодня вечером. Я пойду с тобой.

Она раздражается смехом. Когда она понимает, что я не шучу, она спрашивает сквозь сжатые губы:

— Ты хочешь составить мне компанию сегодня вечером?

— Да.

Ее лицо покидают все эмоции:

— Ты не должна этого делать, Кэт. Время есть. Ты можешь не торопиться, дорогая.

— Я хочу. Я хочу пойти, — она все еще колеблется, так что я делаю все, что в моих силах, чтобы заверить ее. — Я могу сделать это, Ари.

Она не выглядит убежденной.

Мы внимательно смотрим друг на друга несколько секунд, и я тихо говорю ей:

— Я родилась для этого.

Это, кажется, укрепляет ее решение.

Она встает, четки плотно намотаны вокруг ее руки. Она расправляет черное платье, приводит в порядок внешний вид и вздыхает:

— Хорошо, моя дорогая, мы отправляемся в полночь. Будь готова.

Я напряженно, уверенно киваю. Я не верю в то, что услышала.

Она согласна!

Я смотрю, как она уходит. Непосредственно перед тем, как уйти с территории сада, она поворачивается и говорит:

— Я люблю тебя, дитя, но сегодня вечером нет места ошибкам. Никаким. Если ты хоть на секунду сомневаешься, что сможешь это сделать, скажи мне прямо сейчас.

Я задумываюсь, размышляя, потом смотрю на Сестру Арианну:

— Нет. Все в порядке. Я могу сделать это.

Она широко улыбается:

— Хорошо, в полночь, малышка. Бог с тобой.

Я бормочу медленно и недоверчиво:

— И с тобой.

Святая мать Божья.

Сегодня вечером.

В полночь.

Глава 3

Я бегу через неф церкви до конца, останавливаясь только, чтобы перекреститься перед десятифутовой статуей распятого Иисуса, прежде чем рвануть в кабинет Отца Роберта.

Стучу, и, не дожидаясь ответа, с усмешкой открываю дверь. И останавливаюсь, как вкопанная...

Френки перекинута через большой деревянный стол, ее черное платье задрано над ее голой задницей, медные волосы спадают волнами на край стола, лицо искажено в экстазе. Боб врзается в нее сзади, его задница тоже голая, но черные штаны и рубашка по-прежнему на нем. Она тяжело дышит и хныкает с каждым толчком.

Я не могу отвести от них своих широко открытых глаз.

Боб выглядит так, как будто ему больно. Его зубы стиснуты, лицо поднято вверх к потолку, вены на шее напряжены и выделяются под кожей. Все это происходит так быстро.

Френки открывает глаза и встречается с моими:

— Черт, Боб! Катарина!

Отец Роберт останавливает свои резкие толчки и поворачивается, чтобы увидеть меня, покрасневшую в дверном проеме.

— Дерьмо! — когда я по-прежнему не двигаюсь, он говорит: — Немного уединения, Кэт, — это встряхивает меня.

Я с широко раскрытыми глазами и трясущимися руками захлопываю за собой дверь.

Дерьмо.

О, Боже. Это, правда, только что произошло?

Я жду, и жду, и думаю уйти, и жду еще немного. Мои ноги решают за меня. Жду пять минут, и начинаю уходить. Как только дохожу до конца коридора, дверь кабинета открывается и Френки кричит:

— Эй, киска Кэт. Иди сюда.

Опускаю лицо, поворачиваюсь и мчусь мимо Френки в кабинет Боба.

Рассматривая свою обувь, стою посреди кабинета, перебирая бусинки четок. Я не поднимаю голову. Не осмеливаюсь взглянуть ему в глаза прямо сейчас.

Я понимаю, Боб и Френки могут делать все, что им нравится. Никто их не держит. Не представляйте себе, застать своего папу, трахающего твою лучшую подругу.

Фууу...

Френки подходит сзади ко мне, кладет руку на талию. Она притягивает меня к себе и хихикает:

— О, давай. Не смущайся. Это просто секс. Мы говорили об этом раньше, — Боб издает звук отвращения, и Френки говорит ему: — Не начинай. Ей 18 лет. Не веди себя так, как будто думал, что она вечно сможет избегать этого.

Боб ругается себе под нос:

— Ты, правда, не помогаешь, Френсис.

Френки приближает губы к моему уху и шепчет одной стороной рта, громко, чтобы все мы слышали:

— Ох, ох, теперь у меня проблемы. Он назвал меня Френсис.

Боб усмехается:

— Кэт хорошая девочка. Она не будет заниматься сексом. Никогда, — хватаясь в отчаянии за лучик надежды, он тихо говорит: — Кроме того, она посвящена Богу. И церкви.

Френки хохочет:

— Ты, действительно кажешься в эту секунду настоящим священником. Хвала тебе.

— Ага, ну, в общем один из нас должен вести себя нормально. Бог знает, ты снесла бы наше прикрытие меньше, чем за час, если бы я оставил тебя за главную. И вернемся к проблеме — как я и сказал, у Кэт не будет секса. Пока я жив...

Френки склоняется над столом, ее волосы все еще распущены и свисают перед лицом Боба. Жестокая улыбка расплзается по ее лицу:

— Что заставляет тебя думать, что у нее его не было?

О, Боже мой. Я понятия не имею, куда ведет этот разговор, но мне не нравится это. Я шиплю:

— Френки!

Она пожимает плечами, а Боб поворачивается ко мне, выходя шокированным:

— Это правда, Кэт?

Все еще смотря на Френки, я усмехаюсь:

— Смотри о чем ты.

Боб нерешительно спрашивает:

— С Джеймсом?

О, блин.

Я не слышала это имя больше двух лет.

Лицо Френки бледнеет, когда она поворачивается ко мне:

— Извини, я просто пошутила. Я не знала, что он... — Боб перебивает ее, когда шепчет: — Это было с Джеймсом?

Френки обнимает меня за плечи, утешая.

Мысли о Джеймсе вызывают шквал эмоций, которые курсируют в моей голове. Гнев. Печаль. Горе. Гнев. В основном гнев. Хотя я не уверена, на кого нацелен этот гнев.

Френки откашливается, прежде чем заявляет:

— Я просто пошутила, Боб. Кэт не была ни с кем... не в библейском смысле.

Никто ничего не говорит, так что...

Френки добавляет:

— Иногда, я не знаю, когда придержать шуточки. Извините... оба, — я принимаю ее извинения легким толчком головы в ее плечо.

Боб откашливается:

— Я не должен был вспоминать о нем. Извини, Кэт. Я должен был понять, что она шутит.

Воспоминания, кажется, появляются, откуда ни возьмись. Я уставилась на ножку стола.

Встревоженное:

— Кэт?

Потом отдаленное:

— Кэт?

Джеймс улыбается мне и хмурится, не веря:

— Для меня? Правда? — я подаю ему обернутый подарок, улыбаясь: — С днем рождения.

Он наклоняется ко мне, прижимается нежным поцелуем к моим губам. И это великолепно. Я люблю его поцелуи.

Его светло-каштановые волосы вьются у ушей, карие глаза морщатся в уголках, когда он улыбается, прямые белые зубы блестят.

— Тебе не нужно было ничего дарить мне, Кэт.

Моя шестнадцатилетняя сущность краснеет.

— Двадцать один — это рубеж. Это важный день рождения. Конечно, тебе нужен был подарок, — его лицо становится сердитым, затем печальным.

Он нежно прижимается своим лбом к моему и шепчет:

— Я не заслуживаю тебя, — мои глаза закрываются в блаженстве.

Я шепчу в ответ:

— Я люблю тебя, Джеймс.

Я возвращаюсь в реальность.

Резкое:

— Что? — вылетает из моего рта. Боб и Френки оба смотрят на меня.

Боб тихо говорит:

— Извини, детка. Я не должен был вспоминать его. Это было давно, — я киваю, соглашаясь. Это было давно.

Он прокашливается и затем улыбается:

— Итак, зачем ты мчалась сюда быстрее, чем демон, вылетающий из ада? — я почти забыла. Легкая улыбочка играет на моих губах.

К черту Джеймса. Вот мой шанс доказать самой себе.

Я с трудом сглатываю. Не уверена, как это примут:

— Я...ух... Мне нужен допуск в Мираж.

Молчание.

По-прежнему молчание.

Я рискую взглянуть на Боба, который с любопытством смотрит на меня сквозь прищуренные глаза. Он осторожно спрашивает:

— Зачем тебе допуск в Мираж?

Встаю прямее, чем деревянная доска, нацепляю лучшую рабочую мину и заявляю:

— Я иду на задание сегодня вместе с Ари. Мне нужен допуск в Мираж, чтобы подготовиться.

Френки открывает от удивления рот. За ее глазами я вижу, как работает ее мозг со скоростью мили в минуту. Наконец, она с трепетом шепчет:

— Это круто.

Я согласна. Это, правда, так.

Боб смотрит внимательно на меня, в меня:

— Ты готова для этого?

Я тут же отвечаю:

— Да.

Он хлопает рукой по лицу, выглядя встревоженным:

— Если это из-за того, что произошло вчера на тренировке... — я перебиваю его, говоря решительно:

— Я готова, Боб. Правда. Я готова.

Френки сильнее прижимает меня к себе. Молчаливая демонстрация поддержки.

Выражение лица Боба беспокоит меня. Ему нелегко дается верить в меня. Он, видимо, мысленно спорит с собой. Френки предлагает:

— Боб, если ты волнуешься. Я могу тоже пойти.

Я закатываю глаза, пожимая плечами в ее объятиях:

— Мне не нужна гребаная нянька, Френки.

Она поднимает руки, сдаваясь, и немедленно отвечает:

— Я не это имела в виду.

Мой пристальный взгляд изучает ее:

— Что ты тогда имела в виду?

Боб останавливает нашу почти дискуссию:

— Хорошо. Ты можешь идти. — Мы обе поворачивается, чтобы недоверчиво посмотреть на него.

Наблюдаю за ним некоторое время, потом тихо спрашиваю:

— Правда?

Он кивает:

— Да. Я доверяю твоим рассуждениям. Если ты говоришь мне, что готова, я тебе верю. Я говорю ему:

— Да. Я могу сделать это.

Он делает вдох и отвечает на выдохе, внезапно выглядя уставшим:

— Я знаю, ты сможешь.

Именно в этот момент я клянусь, что у Боба не будет причин беспокоиться о моей работе в Мираже.

Я смогу сделать это.

Я смогу.

Глава 4

— Ключ не должен думать о них, как о людях, — говорит Боб.

— Ты должна думать о них, как о паразитах, которых нужно истребить.

Я рассеяно киваю, делая в уме примечания.

Паразиты. Не люди. Отмечено.

Это действительно происходит. Я потрясена и переполнена информацией, вдолбленной в меня за такой короткий срок.

Френки идет с нами. Она добавляет:

— Сложность в том, что они похожи на обычных людей. И они могут быть людьми, только нехорошими людьми, Кэт. Они — ничтожества, и они должны быть остановлены, любым способом. Они не были бы в нашей базе, если бы были законопослушными гражданами. Ты понимаешь это?

— Ага. Хорошо.

Смесь волнения и страха заставляет адреналин неистово курсировать по телу. Так сильно, что меня может стошнить. Я закрываю глаза и беру под контроль дыхание, вынуждая себя успокоиться.

Сказать по правде, ничто в сегодняшнем вечере не пугает меня, кроме того, что все ожидают моего провала. Это сильно меня пугает.

Я мысленно подбадриваю себя.

Джеймс был ошибкой. Это никогда не повторится. Ты можешь сделать это. Ты тренировалась для этого с тех пор, как тебе исполнилось пять. Это твоя вторая натура, твое призвание в жизни.

И что самое важное...

Этого хочет Бог.

Этот факт вдолбили в меня навсегда. Я должна верить, что это Божья воля. Если нет, то я просто преступница, не лучше тех людей, на которых я охочусь.

Боб ведет нас через кухню на задний двор, мимо моего сада. Мы идем, пока не доходим до амбара, который стоит в самой глубине территории. Это стопроцентное бельмо на глазу. Он практически разрушает элегантность остальных построек, но это бельмо здесь не зря.

Большие двери амбара выглядят старыми, краска потрескалась и облезла. Боб обходит их и направляется в сторону здания с армированной дверью и клавиатурой сбоку. Он набирает шестизначное число:

— Если все сегодня пройдет удачно, то ты получишь собственный код.

Френки улыбается мне, и это успокаивает мою душу. По крайней мере, она верит в меня.

Стальная дверь шумит и вибрирует прежде, чем мы слышим, как щелкает замок. Боб отодвигает ее, и мы входим за ним внутрь. Прожектор включается, окуная нас в яркий свет.

Четыре машины стального цвета занимают большую часть амбара. Боб тихо проходит между автомобилями к дальней стене, где нас ожидает еще одна стальная дверь. И мое сердце пропускает удар. Или два.

Вот он.

Я входила в мозговой центр “Миража” только однажды. Два года тому назад. Тогда мне было 16, и Боб думал, что я была готова для моего первого задания. Тогда я тоже так думала.

Мы оба ошибались.

Боб остановился у клавиатуры. Не оглядываясь, он спрашивает:

— Ты уверена в этом, Кэт?

Я хочу, чтобы люди прекратили спрашивать меня.

Каждый раз, когда мне задают этот вопрос, маленькая часть уверенности покидает меня. Я стискиваю зубы, сдерживая саркастическое замечание, которое сидит на самом кончике языка, и вместо этого отвечаю:

— Конечно, уверена, Боб. Сделай это. Впусти меня.

Он набирает свой код, дверь свистит, урчит и щелкает, затем я жду.

Боб открывает дверь, отходит и искренне улыбается мне:

— Добро пожаловать обратно, Ночная Фурия.

Дергая подбородком в сторону Френки, он добавляет:

— Лунная Тень проведет тебя. Мне надо кое-что доделать.

— Спасибо, босс.

Он минуту смотрит на меня, прежде чем притягивает в медвежьих объятиях:

— Просто постарайся изо всех сил.

И потом он уходит.

Френки, кодовое имя “Лунная Тень”, берет меня за руку и тянет за собой. Стальная дверь захлопывается за нами, и она говорит:

— Ты ведь понимаешь, что у него нет никаких срочных дел, да? Он просто чертовски напуган, что его малышка выросла.

Я знаю, что должна закатить на это глаза, но вместо этого улыбаюсь:

— Ну, он мне как папа. Я думаю, это должно быть сложно для него.

Она усмехается:

— Он тренировал тебя больше десяти лет, Кэт. Он должен скрывать такие эмоции. Они не принесут никому пользы.

Конечно, она права, но это так мило, что кто-то заботится о тебе так сильно.

Я следую за ней по длинному, слабо освещенному коридору, звуки наших шагов отражаются эхом в узком пространстве. Я иду к своей судьбе.

Как поэтично.

Мы достигаем конца коридора. Френки набирает свой код. Еще жужжание и гудение, стальные двери щелкают, открываются и, наконец, я дома. Я делаю первый шаг на пути к остальной части моей жизни, и делаю его с самодовольной ухмылкой.

Это захватывающе. Я взволнована.

Моя жизнь повернется на 180 градусов. От скучной до удивительной. Не могу дождаться.

— Добро пожаловать обратно в “Мираж”.

Френки начинает спускаться вниз по лестнице на первый этаж, а я застыла на верхнем этаже.

Мои глаза сканируют помещение. Я пытаюсь рассмотреть все, но это сложно, как резкое перемещение от абсолютной темноты в яркое полуденное солнце. И этот свет здесь. Помещение просторное и практически пустое, только два стола стоят посреди открытого пространства. Четыре исписанные доски вокруг столов, которые замусорены документами и фотографиями. Звуки слышны отовсюду. Гудение компьютеров, скрип принтеров и факс создают свою мелодию, но яснее всего ритм танцевальной музыки, доносящийся из стереосистемы внизу.

Френки подходит к двум мужчинам, которые покачивают головами в такт музыке, быстро печатая. Один мужчина говорит в гарнитуру, прикрепленную к уху, а другой вскакивает со стула, чтобы добавить больше каракулей на одну доску.

Я знала одного из мужчин, сидящих внизу, а второй был новеньким, и когда я говорю “новенький”, то имею в виду, что он был принят в течение тех двух лет, пока меня здесь не было. Так что, я думаю, он был не таким уж и новеньким. Возможно, я новый человек в этой комнате.

Ты была здесь всю свою жизнь, и ты — новенькая? Ну и дерьмо!

Френки подходит к мужчине, который печатает, наклоняется ближе к нему и говорит что-то, что заставляет его перестать печатать, встать и посмотреть вверх на второй этаж. Он замечает меня и ухмыляется, бормоча:

— Святое дерьмо...

Я хихикаю, и он кричит:

— Тащи свою задницу сюда! Тебя не было слишком долго.

Я спускаюсь вниз к Кларку, его кодовое имя — “Поток Данных”, проворный компьютерный мастер. Выше меня, но не очень, он был моей первой любовью. Его каштановые волосы сейчас достаточно длинные, чтобы заправить их за ухо, а голубые глаза теплые и доброжелательные.

Щетина заставляет его выглядеть более мужественным, чем может быть позволено компьютерному чудику.

Из-за этих размышлений мое лицо становится ярко-красным, когда я приближаюсь. Я очень давно его не видела.

Улыбаюсь ему, мое сердце екает. Я крепко сжимаю руки. Внезапно нервничаю:

— Привет, Кларк.

Нежно улыбаясь, он медленно подходит, словно испуганное животное. Он открывает руки, и, не раздумывая, я ступаю в его объятия. Он крепко обнимает меня, я закрываю глаза и вдыхаю острый цитрусовый аромат на его воротнике. Я и забыла, как это, когда тебя обнимает мужчина.

Больше не нервничаю, но начинает кружиться голова, и я выдыхаю в его плечо:

— Привет.

Его щетина щекочет мой лоб, когда он целует его:

— Скучал по тебе, Кэт!

— Я тоже скучала по тебе.

Кларк был отличным другом, прежде чем меня отстранили от программы. Несколько лет назад мы вместе проводили время, прежде... ну просто... прежде.

Кто-то откашливается, рассеивая чары, под которыми я находилась.

Я осторожно отстраняюсь от Кларка и поворачиваюсь к усмехающейся Френки и смотрящему с любопытством новому парню. Его глаза ищут мои за секунду до того, как он маскирует свое любопытство и делает шаг ближе, протягивая руку:

— Я собираюсь рискнуть и предположить, что ты — Катарина.

Я на мгновение ошеломлена.

Застывая на своем месте перед Кларком, я, насупившись, смотрю на нового парня.

Выше Кларка, но ниже Боба, его выправка кричит о том, что он военный, ноги, немногочисленные, расставлены, суровая внешность. Его тело выглядит так, что я чувствую себя маленькой рядом с ним. Растрепанные светло-русые волосы и зеленые глаза, которые наблюдают за мной, как будто я могу удрать в любую секунду.

Этого не случится.

Моя рука проскальзывает в его руку, и я тихо спрашиваю:

— Как ты узнал это?

Он ухмыляется:

— Я знаю о тебе все.

Вот это да!

Аккуратно выпуская мою руку, он откашливается, перекрещивает руки на груди и выдает информацию, будто компьютер:

— Катарина Уайт. 18 лет. 170 см, 63...

Я фыркаю и смотрю на него. Он ухмыляется и продолжает:

— Я имел в виду, 59 кг...

Он рассматривает мое тело под моей повседневной одеждой:

— ...Конечно. Черные волосы по плечи. Светло-карие глаза. Родинка в форме голубя на внутренней части левого бедра.

Мое лицо краснеет, но он игнорирует это и продолжает:

— Обучалась лучшим из лучших. Черный пояс — E1 — по крав-мага. Имеет высокую квалификацию в “Эскримае”[1]. Оружие, с которым ты работаешь лучше всего — бастон[2] и ларго мано янток[3]. Отличилась в фехтовании. А также хорошо натренирована в боевых искусствах без применения оружия, а именно, самбо. Эксперт в борьбе с мечами и кинжалами, ты предпочитаешь меч. Рукоять из слоновой кости, 24-дюймовый меч катана, который ты нежно называешь “Конеко”, что означает “котенок”.

Он кокетливо улыбается мне, и прежде чем улыбка исчезает, тихо продолжает:

— Твоя первая работа не была выполнена успешно. Цель: Джеймс...

Я перебиваю его и раздраженно говорю:

— Я в курсе. Спасибо.

Убираю шпильки, прикрепляющие мое покрывало, вытаскивая их одну за другой. Когда мои волосы свободны, я спрашиваю:

— Кто ты?

— Я Марко. Кодовое имя “Огнемет”. Здесь год.

Я ухмыляюсь:

— Огнемет?

Кларк кладет руку мне на плечи, наклоняется к уху и весело говорит:

— Потому что он может сжечь любой брандмауэр, поставленный перед ним.

Он мечтательно вздыхает.

— Он великолепен.

Отлично. Моя старая любовь дружит крепкой мужской дружбой с мудаком.

Марко разглядывает мое порозовевшее лицо, прежде чем ухмыльнуться, зная, что смутил меня.

— Прекрасно. Надеюсь, сработаемся с тобой.

Я нагло лгу.

Глава 5

Я весь день готовилась к вечеру. Думала, что буду работать с моим старым другом Кларком, но вместо этого попала, мягко говоря, в неудобную ситуацию, когда меня поставили в пару с Марко, и он доставит меня к сегодняшней цели.

Френки и Кларк идут к самой дальней доске, где Кларк неистово начинает что-то

объяснять. Френки кивает, когда он говорит, и я знаю, что они обсуждают предстоящие дела.

Чувствуя себя немного неловко, я обнимаю сама себя, и жду Марко, чтобы он проинструктировал меня. Он смотрит на меня.

Я смотрю на него в ответ, не отводя взгляда. Он усмехается.

Я — нет.

Он указывает подбородком на второй офисный стул за его столом:

— Эй, сажай свою задницу.

Это выводит меня из себя:

— Знаешь, мог бы любезнее предложить.

Его усмешка превращается в ухмылку. И я не могу не заметить, что он чрезвычайно привлекательный. Это также заставляет меня хотеть показать ему, как хорошо я натренирована, подарив ему сломанную руку.

Марко удивляет меня, когда встает, подходит к стулу прямо за мной и ждет, когда я присяду. Я секунду жду... Это может быть подстава.

Когда он не отходит, чтобы отправить меня приземлиться задницей на пол и показывает неожиданное терпение, я сажусь. Он осторожно придвигает мой стул, садится рядом со мной и заявляет:

— Я могу быть джентльменом.

Стыд сдавливает грудь. Кажется, я недооценила его. Его улыбка ослепляет меня.

— Просто я решил им не быть.

Нет. Я точно угадала, что он самоуверенный подонок.

Я закатила глаза, и он захохотал, низко и грубо. Звук ласкает меня, информируя, что этот мужчина опасен больше, чем кажется. Я спрашиваю:

— Итак, ты бывший военный, да?

Он перестает стучать по клавиатуре, коротко кивает и отвечает:

— Да, мэм. Военный.

— Как попал на эту работу?

Он раздражается хохотом:

— Вообще не представляю. Боб пришел ко мне домой однажды, одетый, как Отец Роберт и сказал, что хочет кое о чем поговорить со мной.

Он поворачивается лицом ко мне и продолжает с нежной улыбкой:

— Мужчина мог бы продавать лед эскимосам. На следующий день я приехал в "Мираж". И больше не уезжал.

— Я думаю, мне интересно, как ты закончил в этой части всего разнообразия. Ты выглядишь, как человек, который может постоять за себя. Я уверена, ты прежде сражался.

Мое заявление явно ставит Марко в неудобное положение. Его тело напрягается, так же, как и черты лица:

— Дорогая, я видел больше, чем львиная доля моих сражений. Я думаю, можно сказать, я покончил с этим. Назовем меня "в отставке".

То, как он сказал это, вызывает шквал вопросов в моем пытливом мозгу. Я хочу задать тысячу назойливых вопросов, но вместо этого спрашиваю:

— Сколько тебе лет?

— 29 исполнилось на прошлой неделе.

Мои брови поднимаются вверх:

— С запоздалым днем рождения.

Он выглядит моложе 29. Я сказала бы, он выглядит больше на 25. Он бормочет, и я принимаю это за "спасибо".

Он взволнованно смотрит на монитор и бормочет:

— Подожди секунду. Я просто быстренько кое-что сделаю, и мы начнем работу.

— Без проблем. Не торопись.

Я раскачиваюсь на стуле из стороны в сторону, притворяясь, что мне удобно, и я как дома в абсолютно незнакомом и чуждом пространстве. Это должно сработать, да?

Сфальсифицируй это ощущение, пока не почувствуешь его.

Все еще звуча отстраненно, он говорит:

— Итак, Боб твой старик? Должно быть ему приятно, что тыходишь в семейное дело.

Он должен гордиться тобой.

— Он начал тренировать меня рано, и честно говоря, я с нетерпением жду сегодняшний вечер. Я готовилась к этому очень долго.

Я морщусь нос:

— Боб самый близкий мне человек, как отец, но меня принесли сюда сиротой, когда мне было несколько недель. Хотя он сдержанный. Я никогда не чувствовала ничего, кроме любви.

— Брови Марко сходятся на переносице:

— О, но...

Качая головой, я перебиваю его:

— Я знаю, он защищает меня.

Его озадаченная реакция понятна. Боб для меня такой, каким должен быть отец. И я люблю его.

Он трясет головой, как будто очищая ее, опускает ладони на его одетые в джинсы бедра и произносит:

— Тогда понятно. Давай разбираться с делами.

Он подает мне распечатанный документ, и я пробегаю по нему глазами. Мой желудок ухает вниз.

Я пытаюсь спрятать свою реакцию, но Марко сразу же замечает:

— Ты знаешь его?

Я киваю.

— Ты когда-нибудь видела, что он делает что-то нехорошее?

— Нет. Никогда, — шепчу я. Пытаюсь оторвать взгляд от фотографии на документе, но не могу. Прежде, чем я могу обдумать это, Марко тянет мой стул, чтобы я оказалась лицом к нему. Его выражение лица жесткое, он говорит:

— Переверни страницу.

Внезапно я начинаю беспокоиться. Мой желудок делает сальто.

На первой странице документа просто биография цели, на второй перечислены совершенные им преступления. Я с трудом сглатываю и переворачиваю страницу.

Слова начинают сливаться после минуты чтения. Мой гнев пульсирует в висках, и я сжимаю страницу так сильно, что мои костяшки белеют. Я не могу удержаться и задаю глупый вопрос:

— Это все подтверждено?

Не отвечая, Марко переходит на третью страницу. Там много фотографий.

— Да, — он считает фотографии на странице "один, два, три, четыре раза". Я чувствую

его взгляд на себе. Не могу оторвать мои широко распахнутые глаза от страницы. Они мечутся от одной фотографии к другой. Он тихо спрашивает:

— Ты все еще чувствуешь что-то к этому гребаному животному?

Мой голос дрожит от гнева, когда я отвечаю:

— Ничегошеньки.

И это так и есть.

Неспособная убрать взгляд от ужасающих фотографий, я подпрыгиваю, когда мягкая рука прикасается к моей спине. Моргнув, я смотрю вверх, покрасневшая и переполненная эмоциями. Сестра Арианна стоит за моей спиной и снимает свое монашеское покрывало.

Ари, кодовое имя: “Боевая Раскраска”, смотрит поверх моего плеча на фотографии и глумится:

— Шокирована, да? Кто знал? Если бы я могла разобраться с этим мерзавцем больше, чем один раз, сделала бы это с удовольствием.

Она презрительно усмехается и добавляет:

— Гребаный мудака.

Тишина кажется уместной, тем более, я не знаю, что сказать.

— Сегодня вечером мы убедимся, что он больше никому вновь не причинит вреда.

Я молчу. Ари ласково гладит меня по волосам и спрашивает:

— Разве это не делает тебя счастливой, дорогая? Сделать мир безопасным? Защищенным?

Мои эмоции разрастаются. Мой гнев всегда был проблемой, и небольшая часть меня просит освободить его, выпустить мою ярость. Резко встаю, не смотря ни на Марко, ни на Ари, и просто заявляю:

— Он мой.

Нет ответа.

Я смотрю на Ари и повторяю:

— Этот мудака мой.

Не оглядываясь, поднимаюсь по лестнице, выхожу из “Миража” и нахожу утешение в единственном месте.

Я смогу.

Оставшуюся часть дня трачу на размышления и молитвы в моем саду. Я молю Бога, чтобы он дал мне силы поймать гребаное животное. Поймать, не обращая внимания ни на что, и я это сделаю.

Глава 6

Имя: Марсель Дюпон

Возраст: 48 лет

Цвет волос: седые, коротко подстрижены.

Цвет глаз: голубые

Вес: 86 кг

Телосложение: среднее

Рост: 180 см.

Другое: отчетливый шрам на верхней губе. Большой нос.

— Это будет легче, чем с большинством. Он знает нас. Он доверяет нам, — шепчет Ари.

— Он пожалеет об этом.

Она стоит в центре первого этажа “Миража”, одетая в черные спортивные штаны и черную майку. Ее руки подняты, она терпеливо стоит, пока Кларк и Марко быстро работают, оснащая ее тело всем, что нам понадобится сегодня вечером.

Они так заняты, что не замечают, когда я беру страницу с текстом и фотографиями, аккуратно сворачиваю ее и кладу в карман.

Часть меня беспокоит, что я слишком сильно все чувствую. Потом та же часть меня беспокоит, что я не достаточно чувствую. Мой мозг развязывает войну с моей верой. Я решаю игнорировать их обоих. Из-за сегодняшнего вечера.

— Кэт?

Я поворачиваюсь лицом к Ари, она кивает вниз на свое тело, и когда я вижу это, мое сердце екает:

— Конеко, — говорю я с трепетом. Моя катана прикреплена ремнем к ее телу. Меч — самая красивая вещь, которой я когда-либо владела.

Ари подмигивает мне, и яркий отблеск отражается от лезвия, как будто Конеко тоже подмигивает мне.

Я понимаю, что она пытается сделать, но не уверена, что хочу, чтобы мой меч был запачкан грязной кровью.

— Ты в порядке? — Кларк появляется передо мной.

Я прилагаю все усилия, чтобы казаться веселой:

— Черт, да. Сегодня та самая ночь.

Не убежденный моей плохой игрой, он наклоняется ближе и тихо говорит:

— Ты ничего не должна доказывать.

Мой пристальный взгляд направлен на Ари, и я шепчу:

— Да. Должна.

Он не отвечает. Ему и не нужно. Мы оба знаем, что это правда.

Глава 7

Сделаны последние приготовления, все на своих местах, и разведанные постоянно звучат в моем наушнике.

Мы выдвинулись.

Ари, одетая в ее монашеское облачение, становится перед парадной дверью дома Дюпонов, в то время как я обхожу небольшую собственность, чтобы подождать сигнала на заднем дворе. Марсель будет очень удивлен сегодня вечером. Жаль, что в последний раз.

Возможно, это даже к лучшему, начать с человека, которого уже знаю. Я уверена, после этого станет легче.

Марсель Дюпон.

Человек, постоянно посещающий церковь. Ландшафтный дизайнер. Садовник. Муж. Отец. Человек, который избивает свою жену. Пьяница. Педофил.

Я не могла позволить ему жить. И я не позволю.

В ухе слышится потрескивание. Кларк практически кричит: — Слышно меня? Ночная Фурия? Боевая Раскраска?

— Я слышу, немного тише, пожалуйста, — отвечаю я шепотом.

— Боевая раскраска здесь. Начинаем? — произносит Ари в моем ухе.

— Мы узнали из достоверного источника, что вчера вечером мистер Дюпон немного подрался со своей женой. Она ушла из дома сразу же, прихватив с собой сына. Это просто предположение, но я бы сказал, что у Марселя сегодня вечеринка на одного, — говорит Марко.

Вновь заговорила Ари:

— Отлично. Это будет легче, чем я думала. Ночная Фурия, ты на месте?

Во мне засело зловещее спокойствие. Я глубоко вдохнула и ответила:

— Да, я готова.

— Превосходно. Мой наушник будет недоступен примерно десять секунд. Боевая Раскраска отключается.

Сердце начинает бешено колотиться. У меня не будет контакта с Ари. Тревожно быть самостоятельной. Теперь я должна ждать.

Сегодня холодно. Легкий ветерок обдувает меня, заставляя тело покрыться мурашками, а глаза слезиться от обжигающего холода.

Я одета в черное спортивное трико, того же цвета футболку с длинными рукавами, черные перчатки "без пальцев" и черные туристические ботинки. Волосы убраны в высокий хвост, большую часть лица скрывает черная хлопковая маска, также закрывающая щеки, нос и рот.

Прежде, чем у меня появилось время еще раз продумать мою часть задания, хриплый голос Марко звучит в наушнике:

— Время действовать, Фурия. Твоя очередь.

Хоть вокруг меня на улице и шумно, я вся окутана коконом тишины. Я глубоко вздыхаю. Мой мозг находится в состоянии максимальной сосредоточенности. Я улыбаюсь сама себе, когда кое-что понимаю...

Я готова. Правда, готова.

Моя рука находится на ручке задней двери. Я вижу, что внутри включается свет. Хотя Ари сняла наушник, она оставила его включенным, чтобы я все слышала. Входная дверь открывается, и я слышу приглушенный разговор.

Один, два, три.

Я поворачиваю ручку, и к моей радости, дверь не заперта. Когда ты живешь в маленьком городе, где все друг друга знают, люди не беспокоятся о том, чтобы запирают дверь по ночам.

К счастью.

Дверь скрипит, когда я ее открываю, и мое сердце екает. Широко раскрыв глаза, я открываю ее полностью одним быстрым движением. На лбу капельками выступает пот, несмотря на то, что еще недостаточно тепло. Заставляю дыхание оставаться медленным и спокойным.

Все это может выдать меня.

Я вхожу в дом Дюпонов быстро и тихо. Оказываюсь в прачечной, отделенной дверью от остальной части дома. Еще несколько шагов к двери, и я понимаю, что эта дверь приведет меня к моей цели.

Держась за ручку двери, я прижимаю ухо к холодному дереву и подслушиваю. Разговор приглушен, но мне удастся кое-что разобрать.

— Сестра Арианн, вот так сюрприз. Не слишком ли поздно для вас, чтобы приходить в

гости? — невнятно произносит Марсель.

Ари притворяется нервничающей:

— Мои извинения, Марсель. Нэнси дома? Мне очень нужно поговорить с ней. Я оказалась в сложной ситуации.

Поворачиваю ручку и тяну дверь, слегка приоткрывая, и всматриваюсь.

Ари обмахивает рукой лицо и выглядит очень обеспокоенной. Марсель покачивается, стоя на месте, и я отсюда чувствую запах алкоголя, исходящий от него. Он пьян в стельку.

Пьян — это хорошо.

С пьяными людьми происходит много несчастных случаев.

Марсель откашливается:

— Нет, ее мама заболела. Она ухаживает за ней.

Мои губы кривятся от отвращения.

Отвратительный негодяй. Подлец. Ты — подлец.

Ари прикладывает руку к щеке:

— О, бедняжка, я понимаю. Жаль, что она не сказала мне, я бы попросила Отца Роберта помолиться за нее.

Она улыбается Марселю:

— Ну да ладно. Марсель скажите мне кое-что?

Мужчина смотрит на нее выжидающе.

Ее глаза становятся пустыми, а лицо искажает злоба:

— Вы любите бить свою жену?

Во время их молчания я открываю дверь и вхожу в гостиную. Шокированный Марсель, в конце концов, бормочет:

— Вы сумасшедшая.

Ари делает шаг вперед:

— Тебе нравится, когда твой сын кричит в муках в то время, когда ты его насилуешь?

Тело Марселя напрягается, и он кричит:

— Выметайтесь!

Ари безжалостно улыбается:

— Нет, я так не думаю.

Она касается рукой своего правого плеча и хватается за ткань своего облачения монахини.

— Твое время пришло, Марсель Дюпон.

Сбрасывает облачение одним движением, и одеяние падает к ее ногам, выставляя напоказ оружие, прикрепленное к ее телу. Она ухмыляется, когда видит ошеломленное лицо Марселя.

— Сегодня ты умрешь.

— Женщина, ты сошла с ума, — злобно смеется Марсель, показывая пальцем на входную дверь. — Уходи, пока я не вызвал полицию и не обвинил тебя в нападении с оружием и намерении меня убить.

— Ох, ты глупышка. Я не собираюсь убивать тебя. Нет, не я, — смеется Ари.

Она качает головой над его плечом, затем наклоняется вперед и шепчет: — А вот она собирается.

Как только Марсель оборачивается, чтобы посмотреть, его приветствует быстрый удар по голове, и он летит на обеденный стол. Спинай он натывается на угол и орет.

Ари свистит мне. Я поворачиваюсь вовремя, чтобы поймать Конеко на лету.

Вытаскивая из ножен 24-дюймовое лезвие, мое дыхание перехватывает. Это действительно красивый меч.

Мой пристальный взгляд переходит от Конеко к Марселю, который до сих пор не поднялся на ноги после падения. Он смотрит на меня, страх написан на его лице:

— Я буду звать на помощь.

Внутри меня кипит гнев. Я обнажаю зубы и рычу.

Я шагаю к нему, моя катана на бедре. Встаю на колени возле пьяного мужчины и спрашиваю:

— Ты будешь звать на помощь?

Он кивает. Я поднимаю руку и залепляю ему пощечину. Повторяю серьезнее:

— Ты будешь звать на помощь?

Он начинает плакать, но, невзирая ни на что, кивает. Звук второй пощечины отдается эхом в комнате. Моя ладонь покалывает и зудит. Протягивая к нему руку, крепко хватаю за волосы и тяну так сильно, что его голова откидывается назад. Мой голос дрожит, когда я говорю слова, которые Отец вбил в меня:

— Никаких попыток. Бери и делай...

Я отпускаю его волосы, встаю и морщусь:

— Ты отвратительная, грязная свинья. Ты заслуживаешь смерти.

Марсель качает головой, хныкая и дрожа:

— Нет. Пожалуйста. Не надо.

Ари подходит ко мне сзади:

— Ты делаешь все замечательно, малышка. Вперед. Чем быстрее ты убьешь его, тем быстрее мы сможем уйти.

Я спокойно киваю.

— Марсель, я думаю, вам следует помолиться о прощении, — я указываю рукой на Ари.

— Подползите к сестре Арианн и помолитесь Богу, чтобы он простил вас.

Когда он даже не двигается с места, чтобы сделать, как ему сказали, я добавляю: — Сейчас же, ты, извращенец.

Его тело дрожит, глаза полны слез, а обеспокоенный взгляд мечется от Ари ко мне, и он начинает медленно ползти к ней, дрожа от ужаса. Он подползает к ее ногам, опустив голову, и начинает бормотать молитву.

— Вот так, — Ари смотрит на него. — Ты знаешь, то, что ты делаешь, неправильно. Молись Богу о прощении, Марсель. Ты должен просить его о прощении, твои грехи огромны.

Марсель бормочет громче, его слова невозможно разобрать.

Мои ноги двигаются сами по себе. Тихо шагая, подхожу и встаю за спиной Марселя, стоящего на коленях. Не думая, поднимаю свою катану и касаюсь кончиком основания его шеи.

Его тело замирает. Дыхание останавливается.

Я делаю глубокий вдох, потом медленно начинаю. Слегка нажимаю на рукоятку меча, лезвие входит в заднюю часть шеи Марселя и, спустя мгновение, выходит из передней части его горла.

Тело его неудержимо трясется и дергается, и в этот момент я понимаю, что благодарна одному: что не вижу его лица.

Удерживая дрожащее тело Марселя Дюпона лезвием в его шее, я поднимаю взгляд на

Ари. Ее глаза печальны, она мягко улыбается:

— Пойдем, Кэт. Вытащи это из него. У нас еще много дел.

Одно движение назад, лезвие освободилось, и тело Марсея с унылым глухим стуком упало на пол. Мое сердце подпрыгнуло.

Я сделала это. Я убила его. Мне не нужно было помогать. Я сделала это сама. Я даже не почувствовала себя плохо из-за этого.

Ари подняла ногу и пнула его безжизненное тело:

— Продается свинья!

Ночь официально стала ошеломляющей.

Тихое хихиканье зародилось в горле. Чем больше я пыталась сдержать его, тем хуже это становилось. Я начала хихикать. Мое хихиканье превратилось в полноценный смех на грани истерики.

Слезы потекли по моему лицу, когда я смеялась, освобождая тревогу, гнев и волнение.

Ари наблюдала за мной, осторожная улыбка заиграла на ее губах. Когда я все-таки взяла себя в руки, она спрашивает:

— Все в порядке?

Слезы текут по моим щекам, и я начинаю неудержимо рыдать, правда, по другой причине. Ари подходит, вытирает их и говорит с неодобрением:

— Почему ты плачешь, дорогая?

Из меня все вылетает:

— Я просто убила мужчину, который стоял ко мне спиной и молился. Он не ожидал такого поворота событий, — фыркаю я.

— Он не знал, что так произойдет и..., — я смотрю ей в лицо и шепчу: —... И мне было плевать.

Мое тело сотрясается в тихих рыданиях.

— Я рада, что он мертв.

Меня притягивают в теплые объятия. Ари хихикает в мое ухо:

— Ох, моя голубка. Успокойся.

Мои рыдания начинают утихать. Начинается стадия отстраненности. Мне нравится, когда мое сердце немеет. Онемение — это хорошо.

Ари целует меня в висок:

— Ты была рождена для этого. У тебя одна из самых жестоких работ в мире, и ты просто доказала, что можешь легко справиться с ней, — она отстранилась и улыбнулась.

— Это дар.

Я не сказала ни слова.

Не знала, что меня должны поздравлять с этим.

Она протягивает мне свою ладонь, и я возвращаю Конеко. Она вытирает лезвие своим одеянием, и встает на колени перед телом, рукой подзывая меня, и я помогаю ей сдвинуть тело Марсея.

Я прихожу в замешательство, когда она начинает делать моим мечом небольшие порезы на его лице, пальцах и шее.

Видя мое непонимание, она объясняет мне:

— Надо было объяснить заранее. Нам надо, чтобы это было похоже на ограбление, которое пошло не по плану.

О. Дерьмо.

— Извини.

Она усмехается и отмахивается от меня.

— Ничего страшного. В следующий раз мы обговорим детали, как должно выглядеть убийство. Это была моя ошибка.

Она тянется рукой к своему карману, вытаскивает пару перчаток и вручает мне.

— Теперь наведи здесь беспорядок, пожалуйста.

Перчатки странно ощущаются на моих руках, как будто душат мои пальцы.

Я иду из комнаты в комнату, разбрасывая кругом вещи, ломая украшения и рамки и передвигая предметы.

Ари подзывает меня к себе, тоже надевая пару перчаток:

— Нам нужно взять телевизор, перенести его в холл и оставить там, чтобы выглядело, будто что-то прервало грабеж.

Поднимая брови, я смотрю на нее с недоверием:

— Ты знаешь так много обо всем этом, Ари. Я впечатлена.

Ее улыбка не достигает глаз:

— До того, как я нашла Боба, моя жизнь была нехорошей.

Телевизор ударился об пол с громким стуком. Мы собираем наши принадлежности, и прежде чем уехать, я смотрю, как Ари подходит к Марселю. Поднимая глаза к потолку, она бормочет несколько слов шепотом, прежде чем опускает руку и погружает свои пальцы в его кровь. Ее глаза закрыты, когда она водит покрытыми кровью пальцами по его лбу, потом вниз по щекам и соскальзывает на подбородок.

Я в шоке смотрю на нее, она встает и идет ко мне, и победа отражается на ее лице. Внезапно я понимаю. Арианн. Кодовое имя: “Боевая Раскраска”.

Она тянется к пакету и вытаскивает оттуда две толстовки. Я не трачу время впустую, надевая свою и натягивая капюшон. Ари делает так же.

Мы выходим через заднюю дверь и идем к задним воротам, как будто все нормально, как будто, так и должно было быть, что мы были здесь. На улице мы запрыгиваем в ожидающий нас “Мерседес”, и Кларк везет нас обратно в “Мираж”.

Удовлетворение растекается по моему телу. Слушая, но не прислушиваясь к разговору Ари и Кларка, я расслабляюсь на своем сидении, внезапно ощущая себя истощенной. Мои веки трепещут, а затем закрываются, и я погружаюсь в спокойный сон.

Глава 8

Дверца машины скрипнула, и я, вздрогнув, проснулась. Сердце выпрыгивает из груди. Мне требуется время, чтобы собраться и понять, где нахожусь. Мы вернулись к амбару.

Кларк протягивает мне руку, улыбаясь. На его прекрасном лице нет осуждения. Он понимает меня. Он — тот самый тип человека, который нужен в жизни каждого. Он принимает в жизни все так, как есть.

Клянусь Богом. Мне нравится это.

Я думаю, часа два назад я не смогла бы применить это высказывание к моей жизни. Ощущение свободы творит чудеса с душой.

Я кладу свою руку в его. Он осторожно тянет меня из машины и прижимает к себе. Я заключена в его крепкие объятия. Он шепчет мне в ухо:

— Ты сделала это, Кэт.

Он все еще держит мою руку и ведет меня, поскольку Ари следует за нами. Он вводит свой код, и как только дверь открывается, я слышу поздравления. Громкие крики пугают меня, и мое тело начинает дрожать. Я смотрю на первый этаж “Миража”, и то, что я вижу, заставляет меня вспыхнуть.

Смеющаяся Френки, ухмыляющийся Боб и улыбающийся Марко ждут меня. Ари и Кларк присоединяются к ним. Бутылка вина для причастия откупорена, и на одной из досок черным выведено "Поздравляем, Кэт!", а вокруг надписи красным маркером нарисованы воздушные шары.

Улыбаясь как идиотка, я начинаю краснеть, и, качая головой, не веря, медленно спускаюсь к ним. Это очень мило с их стороны, но уже почти 4 утра, и я очень устала.

Боб первым подходит ко мне. Обнимает меня и хихикает. Он крепко сжимает меня, и я пишу, когда он приподнимает меня в оживленном объятии.

— Я знал, что ты сможешь, девочка. Я так горжусь тобой. Так горжусь.

Хорошо, возможно, я не так уж и устала.

Френки целует меня в щеку, сжимает плечо и подает мне кофейную кружку с вином. Кларк подмигивает мне с другого конца комнаты. Я наблюдаю, как Ари изображает сцену убийства Бобу, который упивается каждым движением с благоговейным трепетом. И Марко....

Марко смотрит на меня с легкой улыбочкой. И эта улыбка....

Она печальная. И практически разочарованная. Я удерживаю его взгляд.

И не понимаю.

Внезапно, Ари откашливается достаточно громко, чтобы все замолчали. Она держит кружку с вином и начинает говорить:

— Сегодня для нашей Катарины была очень важная ночь, — Боб кивает, соглашаясь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Ари продолжает:

— Сегодня Кэт вступила в “Мираж” и стала полноценным участником. Она проявила инициативу, и то, чего она достигла сегодня вечером, никто не сможет отнять у нее.

То, как она говорит это, не надменно, а угрожающе. Моя грудь сжимается. Это ее способ предостеречь остальных. То, что случилось в прошлом, там и должно остаться. И от этого я одновременно хочу расцеловать ее и разрыдаться.

Она выходит вперед и протягивает мне руку. Я беру ее руку с полуулыбкой. Она тянет меня, чтобы я села на стул, и на лицах всех присутствующих появляются таинственные улыбки. Я начинаю нервничать.

Я заикаюсь и беспокойно хихикаю:

— Чт-что происходит ребята?

Ласковая улыбка Боба успокаивает меня.

— Это традиция. Просто прими это.

Френки выходит вперед с кинжалом, и когда Ари протягивает руку, чтобы забрать его, Френки бормочет:

— Я — ее лучшая подруга, и сделаю это первая.

Мои глаза расширяются, когда Френки подходит ближе ко мне с кинжалом в руке.

Когда она подносит кончик кинжала к своему пальцу и прокалывает его, мой мозг прекращает попытки понять происходящее и отключается.

Она держит кинжал около себя, поднимает свой окровавленный палец и прижимает его

к моему лбу. Я чувствую, как отпечаток ее крови остается на моей коже, и меня тревожит, насколько спокойно я чувствую себя в этот самый момент.

Мое дыхание стабилизируется, и я закрываю на секунду глаза, хочу только чувствовать.

Вдруг, меня окружают. Боб следующий окрашивает мою щеку. Ари оставляет свою кровь на моей другой щеке, в то время как мило улыбающийся Кларк ставит точку своей кровью между моими бровями. Наконец, подходит Марко, и не отводя от меня взгляда, протягивает руку к кинжалу.

Когда он прокалывает свой палец дольше, чем нужно, мое лицо начинает краснеть, а сердечный ритм сбивается.

Он наклоняется, поднимает свой палец и медленно прикасается к моей переносице, губам и подбородку, помечая меня своей кровью.

Отстраняясь, он какое-то время смотрит на меня, проверяя свою работу. Я теряю контроль над своим телом на секунду и высовываю язык, чтобы попробовать его кровь.

Как только я чувствую металлический привкус в его крови, сильно сжимаю ноги вместе и изо всех сил борюсь с собой, чтобы не попробовать его еще раз. Реакция, которую этот человек вызывает у меня...

Это пугает.

Марко отходит, и его место занимает Боб, он кладет руки на мои плечи и объясняет:

— Ты должна спать с этой боевой раскраской. Можешь смыть ее утром.

— Хорошо.

Боб отходит вбок и заявляет:

— Я рад принять Ночную Фурию в нашу семью, не то, чтобы она не была нашей семьей прежде. Только теперь она будет еще и работать с нами.

Слышатся еще крики "Ура", и прежде чем я это осознаю, засыпаю на офисном стуле, опираясь головой на шкаф для хранения документов.

И я засыпаю, улыбаясь.

Мои глаза по-прежнему закрыты, но я слышу звук шагов.

Сильные руки держат мое безвольное тело. Я быстро понимаю, что меня несут в мою комнату.

Оказавшись где-то между сном и явью, я зарываюсь носом в незнакомого мужчину и вдыхаю.

Этот мужчина не Кларк. Я не чувствую его знакомый насыщенно цитрусовый аромат. Это запах древесный и свежий. И это тело больше, чем Кларка. Намного больше.

Боб.

Это Боб.

Я шепчу около обнаженной кожи его шеи:

— Я сделала это, Отец.

Он говорит мне "шшш", и продолжает нести меня в тишине.

Наконец, мы останавливаемся, и он открывает дверь в мою комнату. Кладет меня на мягкую кровать, я вздыхаю и зарываюсь в простынях. Но у меня нет двуспальной кровати. У меня маленькая кроватка.

Мои глаза распахиваются, и я вижу Марко, который рассматривает меня с другого конца его кровати. В его комнате. Или, по крайней мере, я думаю, что мы в его комнате. Ну,

похоже, что это его комната. Темные простыни на кровати, голые стены, маленький шкаф для одежды, зеркало, открытый ноутбук и телевизор с игровой приставкой.

Я сажусь, скрестив ноги посреди его кровати. Ото сна мой голос хриплый:

— Хэй.

Он склоняет подбородок в мою сторону.

— Почему... — мой вопрос замирает, поскольку я уже знаю ответ. Пытаюсь вновь:

— Почему я здесь, Марко?

— Ты сказала мне, чтобы я отнес тебя в кровать.

Туман заполняет мой уже и так замутненный разум. Это не похоже на меня. Он ухмыляется:

— Ты не уточнила, в чью кровать.

Я молчу, чувствуя потребность в чем-то, что не осмеливаюсь сказать. Он внимательно наблюдает за мной, его глаза ищут подсказку. Что-то.

Хоть что-нибудь.

— Я знаю, на что это похоже, — говорит он. — Острые ощущения. Жажда крови.

Он ставит одно колено на кровать и тихо добавляет:

— Потребность освобождения после задания.

Второе колено присоединяется к первому. Он ползет ко мне, как пума, преследующая свою добычу.

— Ты чувствуешь это?

Моя голова порывисто дергается. Я с трудом сглатываю. Я чувствую это.

— Как я могу остановить это? — выдыхаю я.

Он подползает ко мне, вынуждая меня продвинуться дальше по кровати, и шепчет:

— Вытряхнуть это, Кэт.

Мое дыхание ускоряется и становится поверхностным.

— Ты хочешь этого?

Да.

Да, хочу.

Его пальцы задевают мое бедро, и я задыхаюсь от этого соприкосновения.

— Моя кожа зудит.

Его теплые губы оставляют нежный поцелуй на моей щеке:

— Позволь мне помочь тебе. Я остановлю этот зуд.

Я вытягиваю руку, чтобы притянуть к себе его голову, коротко стриженные волосы покалывают мою ладонь. Мои щеки горят от стыда, когда я отвечаю шепотом:

— Хорошо.

Моя логика была проста. После сегодняшней ночи, поле того, что сделала, я не чувствую, что у меня есть право оставаться чистой. Я хочу стать испорченной, хочу стать такой же несовершенной, как и моя работа. Мне нужно запачкаться, и Марко может сделать это.

На самом деле, мне нужно, чтобы Марко сделал это для меня.

Его лицо нависло над моим, ожидая, что я сделаю первый шаг. Я приподняла лицо на дюйм и прижалась губами к его губам в слабом и чрезвычайно нервном поцелуе. Первый и последний мужчина, которого я целовала, был Джеймс. И это не казалось таким уж колоссальным.

Макро усмехается, его дыхание согревает меня.

— Ты можешь сделать это лучше, Кэт.

Он кладет руку мне на плечо и нежно толкает меня. Моя спина встречается с мягкими простынями кровати. Он прикасается к моему лицу своими сильными руками и смотрит на меня.

— Что ты хочешь, Кэт? Мы можем остановиться, но тебе нужно сказать это прямо сейчас, потому что мой член — тверд, и он будет недоволен, если мы решим остановиться позже.

О, дерьмо.

Эти непристойности подпитывают меня и укрепляют мое решение. Я вытягиваю дрожащую руку и обнимаю его за шею. Притягиваю его рот к своему и произношу около его теплых губ:

— Останови этот зуд.

Его глаза вспыхивают, а его поцелуй, о, черт, такой сильный и грубый — именно то, что мне сейчас нужно. Мне нужно, чтобы это действие было таким же агрессивным, как то, что я сделала ранее. Его язык трется о мой, и инстинктивно мои ноги сжимаются, как будто возбуждение выскользнет из меня со свистом, если я не сделаю этого.

Марко это не нравится.

Его рука скользит вниз по моей шее, груди, большим пальцем он проводит по ребрам, прежде чем его ладонь согревает мое бедро через брюки. Он хватает меня под коленку, поднимает мою ногу и одним резким толчком закидывает на свое бедро.

Я стону в его рот. Он отвечает низким рычанием.

Мы не тратим время впустую и начинаем раздевать друг друга.

Я тянусь к краю его футболки и снимаю ее через его голову. Он делает то же самое со мной. Я ослабляю его ремень, расстегиваю и тянусь дальше, чтобы расстегнуть молнию на джинсах и прикоснуться к его горячей эрекции.

Моя рука неуверенно отодвигается.

Марко рычит, хватая мою руку и кладет ее непосредственно на выпуклость на его трусах.

— Черт. Не делай так. Прикоснись ко мне.

Опустив глаза, я шепчу:

— Хорошо.

Мои руки начинают уверенно тереться о тонкий слой его трусов. Он шипит:

— О, да, вот так.

Храбрость расцветает во мне. Звук тяжелого дыхания отражается от стен, мои зрачки расширяются от удовольствия, когда его руки массируют мои бедра. Его рот оставляет на моем решительные влажные поцелуи, он водит пальцами по низу моего лифчика.

— Я хочу тоже прикоснуться к тебе.

Абсолютно не думая, я расстегиваю лифчик и стаскиваю его по руке. Молчаливое разрешение.

Его глаза вспыхивают, когда он разглядывает мою обнаженную грудь.

Это намного дальше, чем я когда-либо заходила в сексуальном плане. Удивительно, как приятно это ощущается.

Он накрывает мою левую грудь теплой ладонью и начинает нежно массировать. Я чувствую, что эти движения заставляют насквозь промокнуть мой бугорок. Он пульсирует с каждым движением его руки.

Это превосходно.

Почему Бог запретил такое удовольствие?

На данный момент мне кажется это неправильным.

Мои веки трепещут, я откидываю голову назад, выставляя шею. Когда влажное тепло накрывает мой сосок, спина дергается и выгибается. Рот Марко щелкает и сосет напряженную вершинку, пока одна его рука снимает мои штаны. Я не забываю чувствовать стыд, когда поднимаю бедра, предоставляя ему лучший доступ к моей наиболее личной территории.

Теперь на мне только белые трусики, я стону, когда его руки играют с тонкой тканью. Моя рука хватается его руку, и я переношу ее туда, где больше всего жажду этого. Он нежно трет, медленно, словно наслаждается моими ощущениями. Удовольствие затопляет мое разгоряченное, нуждающееся тело.

Его рот выпускает мой сосок со щелчком, и он бормочет:

— Ты такая влажная.

Не тратя время впустую, он стаскивает мои трусики. Быстро избавляется от джинсов и боксеров.

— Ты хочешь этот леденец?

Мои глаза резко открываются, и я встречаю его жаркий взгляд. Черт, нет.

Улыбка, которая появляется на его лице, великолепна. Определенно прекрасна.

— Встань на четвереньки. Лицом в изножье кровати.

Едва дыша, я быстро встаю на четвереньки. Подползаю, чтобы встать в изножье кровати. И мое сердце пропускает удар. Я вижу себя. Вижу голого, стройного, возбужденного Марко.

Перед нами стоит зеркало во всю стену. Мое раскрашенное лицо и ошеломленный, пристальный взгляд встречается в зеркале с взглядом Марко.

Мы выглядим дикими. Почти люди. Похожи на пару животных. Он ухмыляется.

Я закусываю губу, чтобы сдерживать хныканье. Голова кружится. Комната становится размытой. Внезапно появляется кадр: Ари смотрит в лицо Марселю и приветствует меня. Моя грудь сжимается. Марко занимает место позади меня. Наклоняется и его пальцы слегка задевают мою щелку.

Мои картинки крутятся. Другой кадр. Марсель на коленях вымаливает прощение.

Отражение в зеркале показывает Марко, который берет свой член. Кончик его члена прикасается к моему входу. Он трется об меня вверх и вниз, покрывая себя моим возбуждением.

Удовольствие набрасывается на меня. Мое сердце останавливается.

Давление растет в ушах, когда заключительный кадр вспыхивает прямо перед моими глазами. Дрожащее тело Марселя. Конек, проникающий сквозь его горло. Без предупреждения, Марко резко толкается в меня. Когда моя девственная плева рвется, я поднимаю голову к потолку и громко кричу, боль яростно пульсирует между моими ногами.

Марко замирает.

Тяжело дыша, я опускаю голову и открываю глаза, чтобы посмотреть туда, где мы соединяемся.

Осторожно выходя из меня, он протягивает руку, чтобы погладить мою киску. На мгновение мой мозг дурачит меня, когда я смотрю в зеркало. Вместо лица Марко там отражается лицо Марселя.

С лицом Марсея и телом Марко, голос последнего заполняет комнату.

— Ты позволяешь мне пометить себя. Настала моя очередь быть помеченным.

Вытягивая руку, он мажет мою девственную кровь на лицо Марсея, покрывая обе щеки.

Мой сердечный ритм ускоряется, так сильно, что я чувствую, как теряю сознание. Мое тело дрожит. Я начинаю потеть. Я напугана.

Рука Марко поднимается к губам Марсея, Марсель высовывает язык и пробует меня на вкус. И именно в этот момент я просыпаюсь.

Глава 9

Я просыпаюсь на кровати, задыхаясь, с трудом соображая, грудь тяжело вздымается. С широко открытыми глазами я сажусь и качаю головой, напрасно пытаюсь очистить ее. Что, мать вашу, это за сон такой?

Сон? Больше похоже на кошмар.

Сжимая простынь у груди, я сижу, дрожа, и ожидаю, когда успокоюсь. Провожу рукой вниз по влажному лицу и качаю головой еще раз. Правда. Что это за слишком нежный секс был в этом сне?

Сад позвал меня в тот момент, как только я проснулась во второй раз этим утром. После психо-сна прошлой ночью, я дергалась и ворочалась, пока мой разум не устал бороться с утомленным телом, и я вновь уснула. Это был беспокойный сон, но хоть какой-то.

И все равно сегодня я чувствую себя, будто по мне проехал автобус. Потом остановился и дал задний ход.

Когда я проснулась во второй раз, было уже десять утра. Слишком поздно, чтобы помогать на кухне, слишком поздно, чтобы взять хоть какую-нибудь обязанность на день. А сад всегда нуждался в заботе. И вот поэтому я любила его.

Он нуждался во мне так же, как и я нуждалась в нем. Я обеспечиваю ему заботу и уход, а он обеспечивает мне место, чтобы сбежать от действительности.

Собрав весь спелый урожай с овощной грядки, я решаю, что пришла пора прополоть ее. Одна из моих самых нелюбимых работ в саду. Но, увы, это нужно делать, и если кто-нибудь еще близко приближается к моему саду, я начинаю нервничать.

Боб поймал меня утром, когда я выходила. Он пил кофе на кухне, когда я пришла туда найти хлеб, чтобы пожевать, прежде чем начать свой рабочий день. Как только он увидел меня, на его лице появилась гордость за меня.

Я заметила это, и это было мило. Это было приятно.

Я потеряла это выражение его лица на два последних года, и будь я проклята, если потеряю его вновь.

Улыбаясь, я отрезала кусочек хлеба и наполовину наполнила чашку кофе. Боб наблюдал, как я положила 3 кусочка сахара и сливки. Он сморщился, хотя и улыбался, и спросил:

— Как у тебя дела этим утром, Кэт?

Я знала, что он намекает на прошедшую ночь и на то, что я сделала. Но, по правде говоря, я не думала об этом до этого момента, а была слишком отвлечена сном, который разбудил меня.

Ух, ты. Действительно ли ты так бездушна, что не думаешь о совершенном тобой

убийстве?

Я подняла голову, размышляя, и мысленно ответила себе: "Зови меня снежной королевой, мозг, потому что мне абсолютно плевать".

И это была чистая правда.

Марсель был плохим человеком, делающим ужасные вещи. Если бы я не остановила его, то кто? Жена слишком напугана, чтобы рассказать, а сын многократно находился под угрозой смерти, была возможность, что Марсель продолжал бы свои преступления еще много лет. Предполагаемые люди, которые остановили бы его, в конце концов, были бы его жена или сын. И откровенно говоря, я рада, что это сделала именно я, а не кто-нибудь из них. Я предпочитаю взять эту ответственность на себя, чем один из них платил бы за месть этому человеку.

Возможная ответственность за его смерть преследовала бы их. И я не смогла бы меньше переживать о Марселе Дюпоне.

Единственное, когда его будет не хватать — это когда он не будет помогать Отцу Роберту с Субботней Мессой, раздавая Святое Причастие и собирая пожертвование для церкви.

Марсель Дюпон: прихожанин днем, монстр ночью.

Выныривая из моих тяжелых мыслей, я ответила Бобу честно, пожимая плечом:

— Я в порядке.

Его глаза достаточно долго изучали мое лицо, пытаюсь обнаружить ложь, прежде чем он улыбнулся:

— Хорошая девочка. Горжусь тобой, Кэт.

Когда я выходила из кухни, он вытянул руку и притянул меня к себе, оставляя отеческий поцелуй на моем лбу.

Громкий грохот двигателя вытаскивает меня из моих мыслей. Я встаю, снимаю садовые перчатки и прикрываю рукой глаза от яркого солнечного света. Морщю лоб, когда понимаю, что громоподобный звук исходит из амбара.

Конечно, днем нет работы. Мы никогда не выполняем свою работу днем.

Огромные двери амбара открываются, и оттуда выезжает блестящий, черный спортивный байк. Даже притом, что я не вижу лицо водителя, закрытое шлемом, я точно знаю, что это Марко.

Это тело было в моем сне вчера ночью. Сложно забыть. Я не думаю, что смогла бы, даже если захотела. Я едва различимо закатываю глаза.

Ну, конечно же, у него есть байк.

Байк ускоряется, и я жду, когда он пронесется мимо, но вместо этого он замедляется.

Марко едет медленно и останавливается в нескольких футах от меня, двигатель байка продолжает работать вхолостую. Он поднимает визор[4], позволяя мне увидеть его красивое лицо, и говорит громко вместо приветствия:

— Кошечка.

Мои ноги делают шаг вперед:

— Добрый день, Марко.

Мое любопытство берет верх.

— Куда ты так спешишь?

Его лицо морщится, и он подносит руку к уху, позволяя мне понять, что не слышит меня. Я делаю шаг вперед, ближе к нему. Почти вплотную к байку. Я спрашиваю еще раз:

— Куда собрался?

Марко ухмыляется.

— Я расслышал тебя и раньше, просто хотел спросить, не хочешь ли ты поехать в город, не крича на тебя.

Поехать в город?

С ним?

Я в замешательстве.

— Поехать в город... с тобой?

Его выражение нисколько не меняется, тогда я добавляю.

— На твоем байке?

И тогда он усмехается, и я получаю ответ на свои вопросы.

Я быстро произношу:

— Лучше не надо.

Кадр из моего сна нападает на меня.

"Встань на четвереньки. Лицом к изножью кровати".

Я борюсь со своим дыханием, как и с краснеющими щеками. Моя трясущаяся рука поднимается к теперь уже тяжело вздымающейся груди. Марко, все еще сидя на байке, наклоняется поближе ко мне.

— Это не было "нет".

Мои ноги отодвигаются от него в немом ответе.

Ты убила прошлой ночью парня, но боишься мужчины, с которым работаешь, потому что у тебя был весьма эротический сон о нем? Сон, о котором он даже не знает?

На этот раз мой мозг прав. Выпрямившись, я подхожу к байку и говорю:

— Вообще-то, мне надо бы в библиотеку, если тебе по пути.

Марко делает серьезное, размышляющее выражение лица, прежде чем расплывается в сияющей улыбке:

— Итак, я высажу тебя у библиотеки, съезжу по своим делам, потом заберу тебя, и мы где-нибудь перекусим.

— Ладно. Конечно.

Он приподнимается и достает запасной шлем. Автоматически, я надеваю шлем на голову, сажусь позади и обхватываю его за талию. Мы набираем скорость, и последняя мысль, которая приходит в голову, пробирает меня до костей.

Боб просто убьет меня.

Я никогда прежде не ездила на мотоциклах, и тихо проклиная себя за то, что не оделась теплее. Сегодня теплый денек, но моя попа мерзнет, когда Марко ускоряется на грунтовой дороге, ведущей к городу.

Прилагаю все усилия, чтобы не думать о том, что мои руки обнимают его твердый живот, я практически подскакиваю, когда слышу голос в моем шлеме:

— Спасибо, что поехала со мной. Мне сегодня нужно было алиби.

О, так вот почему он позвал меня поехать с ним.

Прогоняя разочарование, сжимающее мое сердце, бодро отвечаю:

— Без проблем. Я люблю библиотеку.

Оставшуюся часть дороги мы едем в приятной тишине, машинально мои глаза закрываются, и я прислоняюсь лбом к его спине. Я не замечаю, что заснула, пока Марко

большим пальцем не начинает гладить мою руку:

— Проснись, проснись, красавица.

Мое тело совсем не желает отделяться от моей портативной грелки, сжимая его талию сильнее, и я прижимаюсь ближе к его спине.

Мои ощущения, наконец, возвращаются ко мне грубым хихиканьем Марко в моем ухе. Внезапно его хихиканье останавливается, а тело напрягается. Когда я начинаю отодвигаться от него, он хватается мою руку:

— Дерьмо. Извини, Кэт. У тебя была кошмарная ночь. Я должен отвезти тебя назад. Тебе нужен отдых.

Я отвечаю слишком быстро:

— Нет!

Через секунду понимаю, что мой крик, возможно, разорвал его барабанную перепонку. Игнорирую его едва заметное вздрагивание и тихо говорю:

— Не надо это делать, правда. Я в порядке.

Он возражает:

— Ты едва держишь глаза открытыми.

Я открываю ответный огонь.

— Это потому, что ты такой большой и теплый.

Его тело дрожит в тихом смехе. Как только я понимаю, что сказала, быстро слезаю с байка, снимаю шлем и отдаю его ему. Отвожу взгляд и бормочу:

— Я, возможно, обслюнявила твой шлем... Извини.

Не оглядываясь, поворачиваюсь и иду к библиотеке. Слышу, как Марко кричит:

— Буду примерно через час.

Спиной к нему поднимаю руку и, молча, машу ему, что услышала его. Грохот двигателя отдаляется, и я закатываю глаза на свое поведение, входя внутрь библиотеки.

Глава 10

— Добрый день, Катарина! — мисс Фонтейн, пожилая библиотекарша, счастливо, но тихо приветствует меня. — Как ваши дела?

Мой отрепетированный ответ выходит достаточно гладко. С легкой улыбочкой я отвечаю:

— Очень хорошо, спасибо.

Морщинки в уголках ее глаз углубляются, когда она улыбается мне:

— Тебя давно здесь не было. Я думала, что не увижу тебя вновь, — фыркает она.

О, мисс Фонтейн. Так восхитительно драматична. Подхожу ближе к стойке и симулирую негодование:

— И никогда не увидите меня или мои любимые книги вновь?

Я задираю нос.

— Я бы погрузилась в сон подобный смерти.

Она хихикает.

— Спящая красавица. Шарль Перо. Очень умно.

Ее спокойствие немного напрягает, как маска скрывает ее настоящее выражение лица. Она наклоняется вперед и шепчет:

— Он сегодня здесь.

Волоски на моем затылке встают дыбом.

— Самостоятельно?

Мисс Фонтейн торжественно кивает.

— Как он добрался?

Она слегка пожимает плечом, и я понимаю, что ее предположение очень похоже на мое.

Гнев кипит во мне. Это недопустимо. Быстро кивнув, я ухожу от мисс Фонтейн, чтобы найти его. Я знаю, где он. Он всегда сидит на одном и том же месте. Ему нравится вид. Он не говорил этого, но я знаю, что это так. По той же причине и я сижу там.

Мои ноги двигаются сами по себе, и как только я замечаю его, маленькая улыбочка появляется на моих губах. Я качаю головой и прикусываю нижнюю губу, чтобы не рассмеяться.

О, дорогой.

Если бы кто-нибудь другой делал подобное в библиотеке, его бы выгнали. Но не Томаса. Точно не Томаса.

Я стучу по стулу, или как Томас видит это, по двери его домика. Я заглянула под гору подушек, которую он взял из детского уголка, чтобы построить себе безопасный кокон.

— Могу я войти, Томас?

Он показывает мне ответ, когда на секунду прекращает яростное раскачивание, прежде чем продолжить раскачиваться более спокойно. Я опускаюсь на колени на старый ковер и ползу к нему.

Улыбаясь, какое-то время наблюдаю за ним. Он сидит со скрещенными ногами и продолжает покачиваться взад-вперед, его глаза сканируют страницы книги по астрологии, которая лежит на полу. Его левая рука поднята под углом, и он держит ее в воздухе, рядом со своей головой, а другая держит страницу. Пальцем, он переворачивает страницы так же быстро, как и читает их.

Я не знаю, что заставляет Томаса делать это. Я только знаю, что вижу в нем то, что другие не могут увидеть.

Его каштановые волосы падают на лоб, который он сморщил, размышляя о чем-то. Левая рука смахивает локоны, но они падают вновь.

Я пыталась разузнать больше о Томасе целый год. Я должна была делать это осторожно. Однажды я упомянула о Томасе в разговоре с Бобом, спросила, могли бы мы сделать что-нибудь, чтобы помочь ему. Боб, с выражением лица, наполненным страданием, приказал "Не лезть".

Я сказала, что не буду. Но солгала.

— Томас? Что читаешь?

Он начинает меньше покачиваться, это для меня сигнал, что я могу говорить.

— Знаешь, звезды — самое прекрасное зрелище во вселенной.

Его тело прекращает покачиваться.

Я прячу улыбку.

Он слушает.

— Ты когда-нибудь сидел на кровати, с открытым окном, надеясь, что увидишь падающую звезду, чтобы ты мог загадать желание?

Мой голос становится задумчивым:

— Я делала так. Я раньше подолгу не спала, ловя звезды, и загадывала желание вновь и вновь.

Глубоко вдыхаю и произношу на выдохе:

— Мое желание никогда не исполнялось. Я не нашла своих родителей и не узнала, почему они бросили меня.

Томас не обращает на меня внимания, но его рука подталкивает книгу ко мне. Мои брови удивленно поднимаются.

Это что-то новенькое.

Мое тело напрягается, а горло сдавливает от неожиданной победы. Я спрашиваю шепотом:

— Ты хочешь, чтобы я почитала тебе, Томас?

Он не отвечает, а просто слегка подталкивает локтем книгу ко мне.

— Я почитаю тебе, Томас.

Я откашливаюсь.

— Я буду читать тебе в любое время, когда захочешь.

Я улыбаюсь сама себе, когда беру книгу и переворачиваю страницу.

— Все, что тебе нужно — только попросить.

— Так в чем там проблема с этим ребенком?

После того, как я прочитала еще две книги по астрологии, Томас выполз из своего домика и ушел из библиотеки, оставляя меня задаваться вопросом, впустил ли он меня в свой мир, или я просто так надеялась на это, что нафантазировала себе.

Я даже не потрудились скрыть свой угрюмый вид:

— Он не ребенок, ему примерно столько же лет, как и мне, Марко. И нет никакой проблемы. Абсолютно.

Марко берет кусочек пиццы со стола в кафе и усмехается:

— Не притворяйся, что не замечаешь что-то...

— Если ты скажешь что-то плохое о нем, я ударю тебя вилкой.

Он хохочет:

— Я собирался сказать, что-то, что делает его другим.

Наклоняясь вперед, я беру кусочек и откусываю:

— Он такой, но там есть что-то большее в нем.

Я медленно пережевываю, и он спрашивает:

— Он глуповатый?

Накусив пиццу, я смотрю на наш столик:

— Глуповатый? О, боже, нет.

Я встречаюсь с его взглядом, наклоняюсь вперед и говорю:

— Он особенный, Марко. Очень умный. Он может за 20 минут прочитать всю книгу, и сегодня, когда я неправильно процитировала ему факт, он начал раскачиваться и ткнул пальцем на страницу, и когда я прочитала это вновь, на этот раз правильно...

Я усмехаюсь и шепчу с почтением:

— Он перестал раскачиваться.

Марко задирает нос, размышляя, и улыбается.

— Черт побери.

Моя усмешка колеблется на мгновение:

— Ты не можешь рассказать Бобу о нем.

— Почему?

Беру второй кусочек пиццы и, избегая его взгляда, бормочу:

— Он, возможно, сказал мне, чтобы я избегала Томаса... или как-то так.

Он начинает смеяться:

— Или как-то так, ага.

Я начинаю краснеть, а он продолжает:

— Не беспокойся, котенок. Я сохраню твой секрет. Смотри, как это работает. Твой секрет теперь наш секрет, — он подмигивает мне. — Теперь у меня есть средство защиты от тебя, если оно мне вдруг понадобится.

Мои плечи напрягаются:

— Ну, это не очень-то справедливо. Ты должен рассказать мне что-то, что я смогу использовать против тебя. И мы квиты.

Ухмылка Марко расширяется.

— Это работает не так, сладенькая. Секреты нужно раскрывать добровольно или откапывать.

Я отвечаю на его вызов:

— Я добуду твой секрет, Марко. Запомни мои слова.

Игривая усмешка соскальзывает с его лица. Он смотрит на меня серьезными глазами и шепчет:

— Бог в помощь тебе, если ты сделаешь это, Кэт.

Глава 11

Как только байк въезжает в ворота, я замечаю его. Моя грудь сжимается. Его тело напряжено, будто он готов атаковать, и он наблюдает, как мы приближаемся. Это не Боб. Это — Отец Роберт. Боб легкий на подъем и веселый. Отец Роберт забавный и серьезный. И похоже, что я глубоко в дерьме.

Когда байк останавливается в нескольких футах от него, он подходит ближе, демонстрируя угрозу:

— Где, мать вашу, ты была?

Марко тут же отвечает:

— Мы выезжали в город.

Он смотрит на Марко:

— Не тебя спрашиваю, идиот, хотя, через минутку дойду и до тебя.

Снимаю шлем и поправляю покрывало. Сердце бешено колотится, и я кратко отвечаю:

— Я ездила в библиотеку.

— И ты не подумала кому-нибудь сказать об этом?

Как только я говорю это, я знаю, что сделала ошибку.

— Марко знал.

Отец Роберт хмурит брови и медленно повторяет:

— Марко знал?

Я смотрю куда угодно, только не на него.

— Я подумала, что мы ненадолго, и знала, что у Марко есть телефон. Мне очень жаль,

если побеспокоила вас, Отец.

Отец Роберт глубоко вздыхает, и затем появляется Боб:

— У Марко есть телефон, и я звонил на этот номер.

Он кривит губы.

— Но он не отвечал.

На лице Марко появляется удивленное выражение, и он похлопывает по своим карманам. Он съеживается, когда понимает, что телефона нет.

— Дерьмо, мужик. Я, должно быть, забыл его в комнате. Я всегда беру его с собой. Извини, Боб. Такого больше не произойдет.

Боб делает шаг вперед, пока он и Марко не оказываются практически нос к носу.

— Чертовски правильно, такого больше не произойдет. Ты будешь держаться подальше от Кэт. Ты понял меня, мальчик?

Я наблюдаю, как Марко стиснул челюсти, и его глаза становятся ледяными. Боб тихо говорит:

— Я знаю, что ты делаешь. Прекрати. Тебе не выгодно совать свой нос в дела других людей.

Никогда в жизни я не слышала, чтобы Боб с кем-то так разговаривал. Я в шоке.

Когда Боб возвращается в церковь, я стою там, в нескольких футах от Марко, где наблюдаю, как его челюсть напрягается все сильнее и сильнее. Бездумно, я кладу свою руку на его.

Он резко отстраняется, так агрессивно, что я быстро принимаю защитную позицию.

Макро говорит сквозь стиснутые зубы:

— Он прав. Ты должна держаться подальше от меня.

Молчание, затем:

— Я не хотел бы сделать тебе больно, Кэт.

Я начинаю:

— Марко...

Его глаза серьезные, он перебивает меня:

— Я не шучу, Кэт. Если ты понимаешь, что для тебя лучше, будешь держаться от меня подальше.

Я смотрю, как он садится обратно на байк, заводит его и выезжает на дорогу, ведущую в город. Мой мозг пытается переварить все, что только что произошло. Остается только одна мысль.

Моя когда-то простая жизнь стала любой, только не такой.

Моя когда-то простая жизнь изменилась.

Сегодня вечером особый праздник.

Я кружусь по кухне вокруг других женщин в танце, который мы поставили и усовершенствовали за все эти годы. Вместе мы работаем хорошо. Сегодня день рождения Кларка, так что мы пируем, как короли.

Френки и я готовим еду на ужин, пока Ари создает для всех нас шоколадное суфле. Суфле — привередливая штука, чтобы запекать его, и это еще сложнее, когда делаешь одно большое суфле для всех, но Ари делает это так изящно и точно; удивительно, что она слышит хоть что-то, происходящее вокруг нее.

Когда Ари печет, остальной мир перестает существовать. Она запирается в безопасном пузыре. Это ее счастливое местечко.

Френки чистит морковь и картофель, чтобы пожарить. Я посыпаю приправой ягненка, чтобы присоединить к морковке и картошке. Потом Френки замешивает тесто для домашней пасты. Я делаю соус “Неополитано”. Ари моет латук для салата, пока я нарезаю помидоры.

Подходит Боб.

Три занятые женщины прогоняют Боба.

Работать на кухне весело, когда мы все вместе, в то время как утренние обязанности по кухне скучны с капитаном Б.

— Итак, Кэт, что ты преподнесешь Кларку на день рождения? — спрашивает Френки.

Мое тело замирает в страхе. Медленно поворачиваюсь и с недоверием спрашиваю:

— Мы в этом году дарим подарки? Мы никогда этого не делали!

Ари закатывает глаза:

— Я ничего ему не покупала, дорогая. Не паникуй, — поворачиваясь к Френки, она ругает ее: — Не пугай ее.

Френки все еще чистит овощи и ухмыляется:

— Просто я точно уверена, что знаю, что Кларк хочет получить на день рождения, но это можешь сделать только ты

Я в замешательстве:

— Почему только я?

Френки наклоняется ближе и озирается по сторонам, прежде чем тихо говорит:

— Потому, что мальчик любит тебя, Кэт. Он не хотел бы получить поцелуй от кого-нибудь другого.

Поцелуй?

Целоваться с Кларком?

Взрыв хохота вырвался из меня, и рука Френки подлетела к ее груди, когда испугавшись, она отпрыгивает от меня.

— Иисус Христос, ты очень сильно напугала меня. Что, черт побери, тут смешного?

Все еще хихикая, я объясняю:

— Кларк и я — друзья! Мы всегда были друзьями. Мы всегда будем друзьями. Ничего больше. Он не думает обо мне в таком плане. Я бы знала, если бы было иначе. Он бы сказал мне.

Она сощурила глаза:

— Он бы сказал тебе, да?

— Да. Конечно.

Она берет кусочек помидора с моей разделочной доски, бросает его в рот и говорит:

— Тогда почему он рассказал мне это на прошлой неделе?

Я прекращаю резать. Поднимаю голову. На моем лице появляется удивление.

Френки саркастически говорит:

— Ох, но я уверена, он бы сказал тебе, если бы по уши был влюблен в тебя последние три года. Я уверена, — она говорит последнюю фразу и добавляет звук “пфф”. — Потому, как он ну несколько не выглядит неуверенным, когда дело касается тебя. Нет. Несколько. Он так уверен, что ты тоже любишь его, что скрывает свои чувства все это время.

Выражение ее лица становится раздраженным.

— Раскрой глаза, Кэт! Он боится рассказать тебе о своих чувствах.

Мое спокойное сердцебиение ускоряется. Неужели она права?

Мысленно я возвращаюсь на 2 года назад.

Я перекладываю бумаги, и возле меня появляется Кларк:

— Как дела?

Я улыбаюсь ему:

— Спасибо, хорошо.

Он неловко смеется и чешет подбородок.

— Это прекрасно, Кэт. Но я имею в виду, как дела с работой?

Мои щеки краснеют.

— Умм, нормально, я думаю.

Улыбка Кларка исчезает.

— Прошел уже месяц, Кэт. Тебе нужно двигаться дальше. Нам нужны разведанные, и они нужны нам уже сейчас.

Но заканчивать эту работу значит, что мое время с Джеймсом закончится. Как, предполагается, я должна сделать это с человеком, которого люблю?

Не думаю, что смогу сделать это.

Я делаю серьезную ошибку. Прежде, чем обдумать свои слова, выпаливаю:

— Джеймс ничего не знает, Кларк. Я клянусь. Он хороший парень. Я знаю его. Он не плохой. Мы ошиблись на этот раз.

Он долго смотрит на меня, придвигается ближе и шепчет:

— Кэт, думай, что ты говоришь... что ты делаешь. Думай о решениях, которые принимаешь и почему.

Выражение его лица ожесточается.

— Ты не можешь выбрать его вместо меня... нас. Ты не можешь.

Я не отвечаю Кларку, он не понимает, что есть между мной и Джеймсом.

Никто из них не понимает.

Они все против него. Они даже не знают его. Избегая этого аргумента, я говорю ему:

— Мне просто нужна еще неделя.

Кларк не был глупым. Он точно знал, что я делаю. Черты его лица ожесточаются.

— Он не сможет дать тебе то, что могу я, Кэт. Он именно тот, кто мы и говорили. Мы твоя семья. Он — никто. И ты все для... нас. Пожалуйста, не делай ничего без моего ведома. У тебя есть одна неделя.

Он отходит от меня.

— Если ты не уложишься в неделю, я должен буду доложить Бобу об этом.

Это объясняет, почему Кларк так защищал меня, когда дело касалось Джеймса. Но даже если Кларк любит меня, остается один вопрос.

Люблю ли я его?

Глава 12

Если бы кто-нибудь спросил меня о Кларке три года назад, мои глаза стали бы мечтательными, я улыбнулась бы тайной улыбочкой, и мой мозг унесся бы прочь далеко-далеко. Во все эти фантазии, в которых Кларк играл героя. Он всегда спасал меня.

Он был моим чемпионом.

Но времена меняются. Мы меняемся. Мы уже не те, кем были три года назад, и честно говоря, я бы беспокоилась, если бы мы не изменились. Три года — это слишком долго,

чтобы ничего не менялось.

Изменения — это естественный процесс в жизни.

Кларк был моей первой любовью, и то, что Френки говорит, что Кларк мог бы быть со мной все это время, заставляет сжаться мой желудок. Горечь скручивается во мне и атакует мой разум злобной вспышкой.

Если бы тогда ты была с Кларком, ты никогда не влюбилась бы в того мудака. Разве в том, что произошло с Джеймсом, нет вины Кларка?

Комок эмоций забивает мое горло и не дает сглотнуть. Я рассеяно моргаю, когда мои мысли начинают двигаться в противоположном направлении.

Что ты чувствуешь?

Порхают ли в твоём животе бабочки, когда он близко или ты смирилась с тем фактом, что вы друзья навеки?

Я... Я просто не уверена. Чем больше я думаю об этом, тем больше запутываюсь.

Боже мой, пожалуйста, проясни мой разум в такое тяжелое время.

Причесывая волосы, я останавливаюсь, чтобы посмотреть на себя в зеркало ванной комнаты.

Боб сказал нам, что ужин должен быть обыденным и непринужденным, это означало, что мы не должны были надевать нашу ежедневную маскировку. Так что сегодня я надела симпатичное черное платье; хотя я никогда не ношу платья, и не знаю, почему решила надеть его сегодня.

Я пытаюсь подсознательно нарядиться для Кларка?

Вздыхая, я качаю головой и прислоняю холодные руки к щекам, чтобы остудить их и убрать хоть часть красноты.

Мое платье миленькое. По крайней мере, я могу так сказать. Оно черное, льняное, чуть выше колен, и прикрывает все, что нужно, с высоким белым воротничком. Рукава длинные с белыми манжетами. К платью прилагался тонкий черный ремень, но я игнорирую его. Я предпочитаю носить платье так.

Платье было подарком от Френки и Ари на мое восемнадцатилетие. Мы обычно не дарим подарки на дни рождения, но они настояли. Они сказали, что у каждой девушки должно быть "маленькое черное платье", так что, когда мы объездили два города, и я выбрала это, они обе сказали, что они говорили не о таком платье.

Но это же я. И мне оно нравится.

Я сижу на краю ванны и натягиваю свои белые колготки, проскальзываю в мои черные "Mary-Janes", и как только подхожу к выходу, останавливаюсь, нетипично для меня и импульсивно, чтобы взять один из ободков Ари. Я выбираю тоненький черный ободок с маленьким бантиком слева.

После того, как я точно готова, спускаюсь вниз по лестнице и иду на кухню. Ужин будет подан в "Мираже", так что, когда добираюсь до кухни и нахожу там Ари и Френки все еще в их монашеских покрывалах, я замираю.

Ари замечает меня первой. Она выглядит взволнованной и лепечет ругательства на французском. Когда она видит меня, начинает сиять:

— О, дорогая. Ты прекрасно выглядишь.

Френки поднимает взгляд от овощей, которые лежат на сервировочном блюде, и вместо улыбки смотрит вниз на мое платье.

— О, Кэт...

Прежде, чем она может хоть что-то сказать, Боб, нет, зачеркните, Отец Роберт появляется около меня. Он улыбается мне:

— Ты выглядишь очень мило, девочка.

Но эта улыбка не трогает его глаз.

Разум затуманился:

— Что происходит?

Отец Роберт нацепил напряженную улыбку:

— Изменились планы. Мы ждем особого гостя сегодня. Постороннего.

О, дерьмо.

Мои глаза расширяются, и внезапно я паникую:

— Должна ли я переодеться?

Френки съеживается, а в это время Боб тихо произносит:

— Слишком поздно. Они уже здесь. Просто пошли с нами. Все будет нормально.

— Мы здесь! — слышится из задней двери.

Широко улыбаясь на голос Кларка, я слышу, как Френки бормочет:

— О, черт, — за секунду до того, как я поворачиваюсь и вижу Кларка. И его девушку.

Я беру вилку и со всей силы вонзаю ее в картофелину, которая лежит на моей тарелке, скрипящий звук заполняет неловкую тишину в церковной столовой. Кажется, я пропускаю это мимо ушей, а все остальные съеживаются и вздрагивают от этого звука.

Я не обращаю внимания ни на кого и ни на что в данный момент. Мое настроение за сегодняшний вечер сменилось от обнадеживающего до убийственного. Да. Убийственного. В прямом смысле слова.

Если бы сегодня вечером я выполняла задание, то справилась бы за считанные минуты. Кровь мчится по моим венам с такой скоростью, что я слышу ее биение и рев в барабанных перепонках. Я в бешенстве. Но что еще больше меня бесит, так это то, что я не знаю, почему так рассержена.

Я знала это. Я говорила Френки, что мы с Кларком просто друзья, но она подтолкнула меня. И еще подтолкнула. И толкала, пока я не подумала, на мгновение, что мы можем быть вместе. Конечно, мои чувства к нему изменились, но он симпатичный парень; милый, очаровательный и хороший друг, и я уверена, при подходящих обстоятельствах я могла бы влюбиться в него.

Весь день я набиралась храбрости, чтобы признаться себе, что хочу поцеловать его, что хочу почувствовать его губы на своих губах, потому что знаю, будь у меня возможность поцеловать его, я бы поняла, совместимы мы или нет.

Хотя ты чувствовала "щелк" с Джеймсом...

Это был не "щелк". Я ошибалась на счет Джеймса. На этот раз, когда я почувствую "щелк", у меня будет, с чем его сравнить. Что-то, от чего сложно будет оттолкнуться.

На сей раз, ты поймешь, физическое влечение это или что-то большее.

Я, безусловно, надеюсь на это.

После того, как Кларк и Мишель вошли, я стояла на кухне, глупо моргая симпатичной девушке, абсолютно пропуская, как меня представляют ей. Боб осторожно подтолкнул меня, так что я стиснула зубы и подала руку отталкивающе ухоженному постороннему человеку.

Когда я пожала ее руку и улыбнулась, я представила себе, как вырываю ее светлые волосы по одному из ее головы. Я представила, как беру вилку с кухонного стола и

выковыриваю ее голубые глазки. Было бы так легко взять разделочный нож, который лежал на ягненке, и разрезать ее изящную шею вдоль, а потом наблюдать, как кровь и жизнь одновременно покидают ее.

Но при упоминании моего имени, она улыбнулась. Потом обняла меня.

— О, ничего себе! Ты — Кэт! Кларк так много рассказывал о тебе, — подмигнув, она начала хихикать.

— Ты для него особенная девушка.

Я стояла там в ее полуобъятиях, умоляя губы не скривиться от ее прикосновения, умоляя руку не ударить ее по ключице и не сломать ей запястье. Мой ответ был пропитан ядом:

— Забавно. Он ни разу не упомянул о тебе.

Ослабив свои объятия, она отступает и хлопает ресницами на него. Когда он улыбается ей, мне стало немного больно. Абсурд. Эта улыбка предназначалась раньше мне так много раз; я задаюсь вопросом, насколько особенной она была.

Это особенная улыбка для меня.

Она просто сияет:

— Ну, мы никому не говорили, что встречаемся, — она берет руку Кларка и мягко улыбается. Мы хотели лучше узнать друг друга, прежде чем сделать следующий шаг.

Мое сердце пропускает удар.

Извини меня, Золушка?

Следующий шаг? Следующий шаг?!

Я с трудом сглатываю, затем заикаюсь.

— Сл-следующий шаг?

Тогда вмешивается Кларк:

— Ага, знакомство с нашими семьями.

Семья. Да. Мы — семья. Я должна быть счастлива за него. Я должна.

Итак, почему я тогда чувствую, будто она выиграла, а я проиграла?

Сжав челюсть, я вонзаю вилку в морковь с такой силой, что моя тарелка практически трескается. Отец Роберт сидит во главе стола, сестра Арианн с одной стороны, сестра Френсис с другой. Мишель и Кларк сидят на одной стороне стола, близко друг к другу, и шепчут друг другу нежные слова.

Я упорно стараюсь скрыть, как едва различимо закатываю глаза.

О, пожалуйста. Кто-нибудь, задушите меня.

С моей стороны стола, между мной и Ари, сидит Марко, оставляя мне свободным конец стола. Мишель спрашивает:

— Кэт, где ты учишься?

Прежде чем я отвечаю: "Меня тренировали для убийств еще до того, как ты получила свое школьное расписание", Боб перебивает меня, когда говорит:

— Кэт учится здесь, в церкви, — он с гордостью улыбается мне. — Она собирается стать монахиней.

Брови Мишель удивленно взлетают вверх:

— Ух ты, — она щурится, осматривая мое платье. — Я не думала, что ты можешь носить такие вещи.

Мой рот открывается, но на этот раз меня перебивает Френки:

— Мы маленькая церковь, и хотя наши верования такие же, как в Ватикане, можно сказать, что мы немного либеральнее в этом плане, — Френки ухмыляется Мишель. —

Платье Кэт не меняет ее веру, но большую часть времени она одевается в скромную одежду и носит монашеское покрывало.

Мишель кивает, ее лицо побледнело. Мы все пристально наблюдаем за ней, надеясь, что она купится на эту чепуху. Когда она улыбается в сотый раз за сегодняшний вечер, все мы, кажется, облегченно выдыхаем.

Пока все болтают, я гоняю еду по тарелке. Когда хриплый голос шепчет в мое ухо, я подскакиваю:

— Ты прекрасно выглядишь, кисонька.

Кровь приливает к щекам.

— Спасибо.

В этот момент я прекращаю сосредоточенно смотреть на счастливую пару и осматриваюсь по сторонам. Боб и Френки наклонились друг к другу и тихо беседуют, Ари и Мишель разговаривают через стол, а Кларк слушает их беседу. И Марко.

Святое дерьмо.

Я действительно не замечала Марко, пока он не заговорил со мной. Противоречивые эмоции нахлынули на меня. Мои щеки краснеют сильнее. Марко выглядит восхитительно. Он постарался к сегодняшнему вечеру и нарядился в темные джинсы и черную рубашку с длинными рукавами. Я закрываю глаза, внезапно ловлю его аромат, и у меня появляется желание зарыться носом в его шею и провести языком линию до его подбородка.

О, черт.

Ты никогда не думала о Кларке вот так.

Нет.

Не думала.

Прежде, чем мой мозг может остановить рот, я отвечаю Марко:

— Ты тоже прекрасно выглядишь.

Он поднимает голову и медленно поворачивается ко мне, его губы дергаются.

Дерьмо!

Мои щеки настолько красные, что могли бы загореться, и я тихо бормочу:

— Нет, не прекрасно, хорошо. Ты выглядишь хорошо, — я пожимаю плечами, показывая, что вроде как на меня не произвело эффекта его великолепия. — Не то, чтобы ты не выглядел так каждый день, но в темных джинсах и рубашке, ты не просто выглядишь хорошо, ты выглядишь великолепно.

О, ради всего Святого — ЗАТКНИСЬ!

Правда. Убейте меня. Пожалуйста.

Так как этот разговор был достаточно тихим, и никто не услышал его, я сижу, смотрю на свои колени и моргаю, а мое лицо просто горит. К счастью, Марко молчит, предоставляя мне тишину, в которой я нуждаюсь прямо сейчас.

Во рту сухо. Я внезапно высушена.

— Мне нужна вода, — ворчу я и тянусь к стакану в одно время с Марко. Наши руки сталкиваются и переворачивают стакан, наполненный водой, которая проливается на стол, течет и капает с края стола на мои колени.

Марко бормочет:

— Дерьмо.

Я подскакиваю так быстро, что мой стул опрокидывается с громким стуком, который отражается эхом в комнате.

Марко поворачивается ко мне с салфеткой в руке, я отступаю от него, подальше от источника моего дискомфорта.

— Извините, я иногда чертовски неуклюжа, — я заставляю себя хихикнуть, беру свою салфетку и промокаиваю ею платье. Смотрю на Кларка и шепчу: — Мне жаль.

Сморгнув слезы разочарования, я быстро поворачиваюсь к Бобу и спрашиваю:

— Можно, я выйду?

Прежде чем он отвечает, я выхожу за дверь.

Глава 13

Вы когда-нибудь смущались так, что все, что вы хотели, это заползти в какую-нибудь щель или умереть?

Ну, вот так я чувствую себя прямо сейчас.

Мои ноги двигаются быстро вверх по лестнице, а потом вниз в мою комнату, я открываю дверь, потом закрываю ее позади себя и запираю. Я снимаю свое платье, оскорбленная тем, что одевала что-то особенное для мужчины, который не оценил это. Мужчины, который не захотел меня.

Я чувствую себя отвергнутой по неправильным причинам.

День назад Кларк был просто моим другом. Он даже не подозревал, что последние 24 часа, я рассматривала, как восстановить наши несуществующие отношения.

Я быстро переодеваюсь в свободные черные пижамные штаны и белую футболку, проскальзываю в шлепки и иду туда, где чувствую, что мне всегда рады. Иду длинным путем, чтобы избежать гостей, я спускаюсь вниз к личному входу Боба сбоку здания. Прохожу на цыпочках к задней двери, где меня ждет мое спасение.

Я иду в сад, и, удивляясь, резко останавливаюсь. Кларк сидит на скамейке под деревом рядом с моим садом.

Вдыхая, я пробегаю рукой по волосам и делаю маленький шаг вперед. Кларк сидит, его локти стоят на коленях, лицо — на руках. Листья шелестят под моими ногами, и Кларк поднимает на меня взгляд. Его глаза встречаются с моими.

В мое сердце вонзаются шипы:

— Привет.

Он долго смотрит на меня, как на незнакомку.

— Привет.

Ну, очень неловко. Надо остановить это.

Кларк не смотрит на меня, его голос напряженный и низкий:

— Что случилось с нами, Кэт? — я даже не пытаюсь ответить, потому как, откровенно говоря, я не знаю что сказать. Он вздыхает: — Я знаю, что ты все знаешь. Френки предупредила меня, прежде чем я вышел искать тебя.

Я медленно подхожу к скамейке и сажусь рядом с ним. Я не хотела находиться здесь сегодня вечером, особенно когда девушка Кларка ждет внутри, но это невозможно предотвратить.

— Я ничего не знала, думала, она шутит, — я закатываю глаза и подталкиваю его плечом. — Ты же знаешь, какая Френки, она так часто язвит, что даже она сама начинает верить в ту чепуху, которую несет.

К моему облегчению, он хихикает:

— Ага, знаю, но она честна, когда это важно, — он наклоняется вперед и кладет локти обратно на колени. — Хотя это правда, она не лгала, — он поворачивает голову и искренне говорит: — Я думаю, что люблю тебя.

Мое горло сжимается вместе с моими внутренностями. Мне трудно дышать.

В прошлом мне не повезло с любовью. Я не связываю ее со счастливыми эмоциями.

— С чего ты это решил? — шепчу я.

Он невесело смеется:

— Я знаю, Кэт. Просто знаю, — он делает паузу. — Или, по крайней мере, я думал так. Но больше я ни в чем не уверен, — он смотрит поверх меня. — Знаешь, почему я не привел Мишель раньше?

Я, молча, качаю головой.

Он объясняет:

— Потому что я не был уверен, люблю ли я тебя, или люблю ту Кэт, которой ты была 3 года назад, — он глубоко вдыхает и продолжает на выдохе. — Потом ты вернулась в Мираж, и все те чувства выбрались оттуда, где я их прятал, но я уже встретился с Мишель. Я не хотел поступать непорядочно по отношению к ней, поэтому затягивал ее знакомство со всеми вами. И когда я, наконец, решил привести ее сюда, чтобы познакомить с вами, Френки воспользовалась возможностью и разболтала все тебе, и когда мы пришли, ты начала вести себя как маленький ребенок, который должен поделиться любимой игрушкой.

Я краснею и моргаю:

— Я не вела себя так!

Он ухмыляется:

— Ага, Кэт. Как раз так ты себя и вела, — я кладу руки на скамейку, прикусывая губу, чтобы не начать защищаться. Теплая рука накрывает мои руки, и смотрю Кларку в глаза. Он бормочет: — Все в порядке. Я бы поступал также.

Мой взгляд перемещается к саду — моей гордости и радости — и без разрешения мой рот открывается и выбалтывает то, что я никогда не собиралась произносить:

— Я была очень сильно влюблена в тебя, — я улыбаюсь в темноту, — ты был моим парнем, но ты даже не знал об этом. Мне было пятнадцать, когда я увидела тебя впервые. Я знала, что такое Мираж, и почему ты был там, но мне никогда не позволяли быть рядом с тобой. Ты был самым безопасным парнем, чтобы влюбиться без памяти.

Он печально улыбается, и я знаю, это не то, что он хочет услышать.

Я продолжаю:

— Потом пришло время моего первого задания, и я начала работать с тобой. И когда я узнала тебя... — я замолкаю, неуверенная, хочу ли я сказать ему что-то большее. Действую против своей интуиции и честно говорю ему — ...я думала ты удивительный, в тебе есть все, что девушка хотела бы видеть в парне. Ты очень умный и милый. Ты был заботлив и уделял мне свое время, и я, — с трудом сглатываю и шепчу, — я любила тебя, очень долго.

Кларк делает быстрый вдох. Я чувствую, он смотрит на меня, когда бормочет:

— Чувствую, что здесь есть какое-то "но".

Легкая улыбочка появляется на моих губах:

— Но случилось многое. Прошли годы, и то, что случилось с Джеймсом... это больно. Очень долго я подвергала сомнению каждое свое чувство, потому что появилось ощущение, будто все было ложью, и... — мое сердце ухает в пятки, и я понимаю, что пришло время для того, чтобы быть честной, безжалостной, — и я забыла тебя. Ты был на заднем фоне. Меня

не пускали в Мираж, и я сосредоточилась на тренировках. Я больше не хотела любить тебя и подсознательно, думаю, что перестала.

Тишина захватывает нас в кокон неловкости, но если я и должна была быть в этом коконе, то рада, что с Кларком. У него есть способ заставить человека чувствовать себя лучше, он может ничего для этого не делать, просто находится рядом.

Проходит минута. Затем вторая. Наконец, он тихо произносит:

— Все это так отстойно.

Это было далеко не тем, что я думала, он скажет, от удивления я начинаю смеяться. Облегчение ослабляет напряжение в груди.

— Ага, это так. Отстой. Определенно.

Кларк улыбается той самой озорной улыбкой, которую я люблю.

— Боже, это было так забавно, наблюдать, как ты ревнуешь меня.

Ненормальный мужчина.

— Я не ревновала.

Он толкает меня плечом:

— Ревновала. Что наводит меня на вопрос: почему ты ревновала, и почему ты так сильно беспокоишься?

Я рывкаю, расстроившись:

— Я не беспокоилась.

В момент кристальной ясности, глаз моего мозга подмигивает мне, поскольку ответ очень прост и понятен. Я морщю лоб. Моргаю и шепчу:

— Я не беспокоилась.

Меня это не беспокоит. Ни на йоту. Мне плевать, что Кларк встречается с Мишель.

Я не влюблена в Кларка.

— Мне жаль, Кларк. Но я не беспокоилась, — я смотрю на него, и мое сердце пропускает удар.

Боль, написанную на его лице, невозможно замаскировать. Его брови поднимаются, и он бормочет:

— Ух. Ауч.

Но есть одна вещь, которую чувствую я должна сделать, чтобы доказать это внезапное прозрение.

— Поцелуй меня, Кларк.

Его брови поднимаются практически до линии роста волос. Он заикается:

— Чт-что?

Я пожимаю плечом:

— Поцелуй меня. Пожалуйста, — когда он просто моргает и смотрит на меня, будто я сошла с ума, я добавляю на полном серьезе. — Мне нужно, чтобы ты сделал это. Только так я узнаю все наверняка. Пожалуйста, поцелуй меня.

Он сглатывает, наклоняется вперед и останавливается на расстоянии волоска от моих губ. Его дыхание теплое, когда он шепчет:

— Я годами хотел сделать это, — потом его губы обрушиваются на мои.

И это не нежный поцелуй, который я воображала себе миллион раз. Этот поцелуй отчаянный и мощный, как будто он умоляет меня любить его. И от этого мое сердце обливается кровью.

Мой рот открывается для него, и кончик его языка выскальзывает, чтобы уговорить мой.

Он приятный. И теплый. И привлекает платонически. Он на вкус как кола и пахнет сладко, как яблоко. Но...

— Подожди.

Тело Кларка напрягается, когда он отстраняется от меня. Он съеживается:

— Было плохо? Плохо, да?

— Нет! Это очень приятно, Кларк, но...

Я пытаюсь подобрать слова. К счастью для меня, Кларк легко их находит. Он вздыхает:

— Но недостаточно.

Ощущение беспомощности пульсирует во мне. Я чувствую себя идиоткой.

— Мне так жаль, Кларк. Я не попросила бы тебя сделать это, если бы мне не нужно было убедиться. Я никогда не обманывала тебя.

Он кивает:

— Я знаю. И в каком-то смысле, я даже рад, что мы разобрались в этом. Теперь мы все понимаем, — его улыбка не достигает глаз. — Что есть, то есть.

Не говоря больше ни слова, он встает, засовывает руки в карманы и идет обратно к входу в кухню.

Я шепчу ему вслед:

— Я всегда буду любить тебя, Кларк, только не так как тебе это нужно.

Я нуждаюсь в отвлечении, смотрю на амбар и решаю, что немного подольше задержусь, прежде чем пойти спать.

Если вы посмотрите на Мираж внутри, то не увидите никакой угрозы. Только два стола, доски, несколько шкафов для документов, принтер и факс. Он настолько же опасен, как и любой другой офис в мире.

Внешность может быть обманчива.

Мираж может выглядеть как любой обычный офис, но на самом деле — это нервная система могущественной организации, которую я пока не полностью понимаю. Факс, e-mail или телефонный звонок в Мираж, и закончится ваша жизнь через несколько дней. Возможно, эту жизнь я отберу своей собственной рукой.

Предполагаю, такова жизнь.

Первое, что я сделала, когда зашла внутрь, это включила радио на такую громкость, чтобы в моих барабанных перепонках загудело.

Музыка и песни — странные вещи. Они могут унести тебя так далеко, так глубоко в твоё сознание, что ты не осознаешь, как сильно ты увяз, пока не зазвучат последние ноты песни, и ты не упадешь обратно в реальность.

Музыка — прекрасная вещь. Как вино для причастия.

Когда ты слушаешь музыку и добавляешь к ней вино, ты здорово проводишь время.

Я сижу на полу, наклонившись на стол Кларка, открываю бутылку вина и делаю большой глоток. Потом еще одни. И еще. Музыка играет, а вино согревает мой желудок, я откидываю голову на стол и закрываю глаза. Я пытаюсь разглядеть хорошее в том, что произошло сегодня, но воспоминание о страданиях Кларка нисколько не помогают.

Я никогда не причинила бы боль кому-либо охотно. Когда я обдумываю это заявление, я начинаю хихикать.

Я убила мужчину, но от мысли о том, что я задела самолюбие моего друга мне становится плохо? О, блин. Я точно странная.

Когда бутылка вина выскальзывает из моей руки, я подсакиваю на ноги и открываю глаза. Марко сидит рядом со мной и делает глоток из бутылки. Он выхватывает пульт от стерео из моей руки, делает музыку очень тихо, и извиняется:

— Извини, я испортил твоё платье.

Нахмурившись, я наблюдаю за ним, прежде чем отбираю бутылку, делаю глоток и отвечаю:

— Все в порядке. Это была просто вода, и в этом больше моей вины, чем твоей.

— Ты выглядела, как будто вот-вот заплачешь.

Я фыркаю и лгу:

— Я не плачу.

Губы Марко дергаются:

— Не уверен, что верю в это. Все плачут.

Поднимаю бровь и спрашиваю:

— Даже ты?

Он кивает уверенно:

— Даже я. Когда-то очень давно, но да, я плакал.

Я фыркаю, а он спрашивает:

— Что? Ты никогда не плакала? — я закатываю глаза.

— Конечно, плакала. Я просто не подумала бы, что ты так спокойно допускаешь такую слабость.

— Слабость? О, нет, дорогая, ты неправильно все поняла. Я охотно отвечаю на вопрос. Свободно. Если ты думаешь, что это слабость, ты просто смотришь на все неправильно. Я не стыжусь. Я ничего не прячу. Я искренний. Я вытянул всю силу из этой слабости, когда рассказал тебе об этом. Теперь попытайся использовать это против меня. Это не произведет никакого эффекта на меня, — он ухмыляется: — Я выиграл.

Это точка зрения обоснована. И я одобряю. Мои брови понимающе поднимаются, а еще, потому что я немного подвыпившая.

Туше.

Вино, которое я выпила, плескается в моем мозгу, затуманивая мысли. Я выпаливаю:

— Я сегодня целовалась с Кларком.

Он останавливается на середине большого глотка на секунду, прежде чем набирает полный рот вина.

— Ну, я предполагал, что это обязательно должно было произойти. Парень страдает от безответной любви к тебе; это более чем очевидно, — он гримасничает. — Пришел к тебе, пока его девушка внутри дум...

Я перебиваю его:

— Я попросила его поцеловать меня.

Он не отвечает, просто делает еще глоток из бутылки.

Тишина раздражает меня. Так сильно раздражает, что я начинаю бессвязно болтать:

— Когда-то я любила его. Несколько лет назад. Потом я влюбилась в кое-кого другого, в того, в кого не должна была. Для меня все стало дерьмово очень быстро, и я забыла его. И это должно было стать моей первой подсказкой. Разве можно забыть о человеке, которого любишь? — он открывает рот, чтобы ответить, но я продолжаю свою болтовню: — И так я подумала, если мы поцелуемся, и я почувствую что-нибудь, то это того стоило. Потому что если я почувствовала бы "щелчок", то он бы оказался тем, кого я люблю. — Марко просто

смотрит вперед, его выражение лица не выдает никаких эмоций. Оно остается отрешенным.

Я хватаю вино и одним глотком выпиваю четверть бутылки. Тепло из моего желудка распространяется по телу до тех пор, пока я не чувствую покалывание в пальцах.

Я удобно оцепенела в нашем молчании.

Но на мой рот это оцепенение не распространяется.

— Это просто так странно. Первый поцелуй, который у меня был, ощущался так невероятно. Он заставил меня почувствовать себя любимой и особенной, и такое редкость, я думаю, — я замолкаю на секунду, а потом продолжаю тише: — но это все было чепухой, Марко, это было так больно, что я думала, никогда не восстановлюсь. И та часть моего мозга, которая отвечает за чувства, сломалась. Я очень долго ощущала пустоту. Но недавно это изменилось, — я глубоко вдыхаю и закрываю глаза, пока моя голова плавает в счастливом тумане. — Сначала, Джеймс, потом все это с Кларком, и этот сон с твоим участием, и я подумала, что с мужчинами много проблем, и я должна задуматься о том, чтобы стать лесбиянкой.

Скрипучий смех Марко согревает меня. Он вырывает бутылку из моего захвата, мягко проводит большим пальцем по задней части моей руки. Тишина кажется такой безопасной.

Я чувствую себя в безопасности здесь с Марко.

Его грубый голос прорывается сквозь мой приятный алкогольный дурман:

— Что за сон?

Глава 14

— Какой сон? — глупо повторяю я.

Марко смотрит на меня:

— Сон, с моим участием, который тебе приснился.

Я отступаю. Какого хрена, я сказала это?

— У меня не было никакого сна о тебе.

Дерьмо.

Сто процентов он не поверит в это. Даже я не верю. Я такая ужасная лгунья, когда пьяна.

Его тело сотрясает тихий смех, и он качает головой, улыбаясь:

— Ага, был у тебя сон, сладенькая. И теперь мой интерес распален. Ты не можешь сказать мне что-то такое, а потом не посвятить меня в подробности. Я хочу знать, что я сказал или сделал в твоём сне, чтобы заставить тебя отказаться от мужчин и пополнить ряды любительниц кунилингуса, — он замолкает. — Не то, чтобы с этим что-то не так.

Я все еще довольно пьяна, и слова просто выскальзывают из моего сверхактивного рта: — Ты ничего не делал. Это вообще был не ты. Это было мое подсознание. И это, действительно, был дурной сон. Я думаю, это было просто неожиданно.

Мы молчим минуту. Или две. Может быть три, я не уверена.

Я слышу любопытство в его голосе, когда он спрашивает:

— Почему, Кэт, у тебя был пошлый сон обо мне, а?

— Он не был таким уж пошлым, — кто-нибудь заткните меня. — Я просто не понимаю, почему это был ты, а не Кларк в моем сне, — Марко низко рычит, оскорбившись, и я быстро успокаиваю его самолюбие, хлопая ладошкой по его бедру. — О, да ладно. Ты ведь и так знаешь, что ты привлекательный.

Марко ворчит, соглашаясь:

— Я думаю, в этом есть смысл.

Я не могу остановить себя. Хохот вырывается из меня, искренний и громкий:

— О, блин, ну у тебя и самомнение, — делаю серьезное лицо, поворачиваюсь к нему и произношу. — Осторожно. Твоя огромная голова может не войти в дверь на обратном пути.

Его ухмылка такая красивая. Я хочу облизать ее.

— Черт, ты восхитительна, когда пьяна. Но это не то, что я имел в виду, — он быстро становится рассудительным. — Твой мозг защищает тебя так, как ты не можешь себе вообразить. Твои игры подсознания огромная часть этого, и есть смысл в том, что ты видела во сне меня, а не Кларка. Хотя мы оба являемся частью твоей повседневной жизни, твоему мысленному взору я безопаснее.

Он наклоняет бутылку вина и делает маленький глоток:

— Ты могла влюбиться в Кларка. Но со мной такой вариант невозможен, — он подмигивает мне. — И это делает меня достойным твоего сна.

Но с другой стороны факт, что по идее неразумно так поступать, когда ты опустошил три четверти бутылки вина на голодный желудок. Что-то в том, что он сказал, беспокоит меня:

— Почему в тебя невозможно влюбиться?

Его лицо лишено каких-либо эмоций, он пожимает плечами:

— Потому что я мудака.

Он сказал это так серьезно, так сухо — мое сердце сжалось. Мне стало жаль его. Все заслуживают быть любимыми.

— Я не думаю, что ты сможешь что-то сделать, если в тебя кто-то влюбится, — я выдаю маленькую улыбочку. — Даже мудакам нужна любовь.

Он смотрит на мою улыбку:

— Я надеюсь, что ты никогда не встретишь мудака, который изменит твое мнение на этот счет. Правда. Надеюсь.

Боже мой. Только послушайте эту Дебби Даунер[5]

— Почему ты такой циник?

Он вздыхает:

— Потому что я тот парень, который изменил мнение хорошей девочки о любви к мудакам. И теперь, она тоже циник.

Я даже не была удивлена этим кусочком информации. К сожалению, не была.

— Держу пари, она думала, что ты стоишь того, — шепчу я. Мое тело придает меня, когда мой язык выскальзывает, чтобы облизнуть мои губы. — Держу пари, что когда ты был с ней, ты делал это стоящим.

Марко стонет, пока трет лицо ладонью:

— Ты не можешь говорить мне подобные вещи, кисонька.

Замешательство накрывает мой ум:

— Почему не могу?

Наклоняясь ко мне, в его глазах вспыхивает искра:

— Потому что, когда ты говоришь такое, у меня появляется желание поцеловать тебя. А если я поцелую тебя, то я не остановлюсь на твоём ротике. Я, вероятно, не остановлюсь, пока ты не окажешься в моей постели, подо мной, стонущая мое имя, в то время как я буду смотреть, как ты кончаешь. А потом Боб кастрирует меня. Буквально.

Я хочу это. Не ту часть, где его кастрируют, а ту, где я оказываюсь под ним.

О, боже. Почему я хочу это?

Мое тело инстинктивно наклоняется поближе к нему. Его глаза рассматривают меня, следят за языком моего тела. В них вспыхивает эмоция, которую я не могу точно определить. Он вытягивает руку и берет в ладонку мою щеку, его едва приоткрытые глаза впиваются в мои.

— Ты уверена, что не любишь Кларка?

Я наклоняюсь к его прикосновению:

— Да, уверена. А что?

— Ну, тогда я не буду чувствовать себя виноватым за это.

Он наклоняется и медленно проводит своим носом по моему, и это такой интимный, трогательный жест.

Мой живот скручивает ожидание. Он кладет свою вторую руку на мою другую щеку и осторожно притягивает меня. Его дыхание согревает мои губы, и внезапно, я хочу этого больше всего на свете. Наши губы встречаются в сладком поцелуе, таком нежном, но все же решительном. Этот поцелуй выражает уверенность и желание.

Этот поцелуй — ошеломляющий.

Мои веки трепещут и закрываются, я вытягиваю руки, хватаю его за плечи для опоры.

Щелк.

О, дерьмо.

Щелк.

Щелк.

Мои глаза резко распахиваются, и я убеждаю себя отстраниться. Но вместо этого, я встаю на свои колени, и — пока наши губы еще атакуют друг друга — ползу, чтобы быть ближе к Марко. Его сильные руки обнимают мою талию, притягивают к себе, и хотя сейчас мы грудь к груди, это по-прежнему кажется недостаточным.

Мои руки сами собой отпускают его плечи, и теперь я обнимаю его за шею. Не желая того, я прижимаю его еще ближе к себе. Он затягивает меня в сильное течение. И я тону в нем.

И мне нравится это.

Щелк.

Напротив моих губ, он бормочет:

— Я хочу, чтобы ты поднялась в мою комнату, — он оставляет нежный поцелуй на моих губах, а потом игриво жует мою нижнюю губу. — Скажи "нет".

Что?

Я спрашиваю, тихим хрипом:

— Что?

Он не прекращает свои сладкие атаки на мой рот и шепчет:

— Не делай этого. Просто скажи "нет".

Он говорит это с таким отчаянием. Почти... умоляет.

Мысль о том, чтобы отстраниться от него прямо сейчас, вызывает во мне желание разреваться. В груди все сжимается. Руки крепче стискивают его.

— Но я хочу...

Он перебивает меня, страх слышен в его голосе:

— Пожалуйста, Кэт. Скажи "нет", — прислонив свой лоб к моему, он бормочет. — Не заставляй меня быть тем парнем. Я не хочу причинить тебе боль, но сделаю это, — он

замолкает на мгновение. — Точно сделаю.

Я говорю тихо, но уверенно:

— Тебе не стоит беспокоиться. Я ничего не ожидаю от тебя, Марко.

Его глаза вспыхивают:

— Ты должна. Девочки, как ты, всегда должны ожидать. И ты должна установить высокую планку. Не занижай ее больше, котенок, никогда. Особенно для меня.

...И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого...

Господи, защити меня от моего главного врага...

Защити меня от самой себя.

Я прижалась мягким, медленным поцелуем к его полным губам:

— Отнеси меня в постель, Марко.

Глава 15

— Черт, — стонет Марко, пока я прокладываю дорожку поцелуев по его челюсти к уху.

Каким-то образом нам все же удается подняться с пола, пройти по коридору, мимо комнат, которые были предназначены для членов Миража, если они захотят остаться здесь. Боб и Френки жили на втором этаже со своим собственным выходом. Ари остановилась в противоположной стороне здания, в кабинете, который она переделала в спальню, подальше ото всех остальных. Кларк жил в одной из комнат, мимо которых мы проходили, и я молилась, чтобы его комната находилась достаточно далеко, и чтобы он не услышал наши стоны.

Одна его рука обнимает меня, прижимая меня к нему, а другая держит бутылку вина. Я же держу его лицо в своих руках, пока оставляю поцелуи везде, куда могу дотянуться.

Время от времени он останавливается и хватается рукой мое бедро, прижимая свою эрекцию сильнее ко мне. И каждый раз, когда он делает это, мой рот открывается, и тихий выдох покидает меня. Дыхание перехватывает. Мои соски напрягаются, когда он пробегает своим языком по моей нижней губе, демонстрируя, как сильно он хочет меня. Он низко рычит, когда его бедра невольно двигаются.

В животе становится тепло. Моя сердцевина сжимается. Никогда в жизни я не была такой мокрой. Он ощущается лучше, чем во сне. Он ощущается лучше, чем, как я помню, ощущался Джеймс.

И я чувствую себя могущественной.

Внезапно, я понимаю, почему некоторые женщины выбирают использовать свою сексуальность, чтобы получить то, что они хотят. Это, кажется, так легко. Так просто. Так приятно. Преступление без потерпевшего, так сказать.

Интересно, в момент открытой похоти, смогу ли я включить мою обретенную сексуальность каким-то образом в мою работу.

Марко ударяет нас о стену, и я впечатываюсь в него, совсем не мягко. Я хихикаю в его рот, и когда чувствую, как его губы изгибаются в улыбке, я могу умереть. Мое сердце пропускает удар.

И тогда я понимаю, что женщины, которые используют свою сексуальность для выгоды, упускают небольшие, но очень важные вещи: порхание бабочек в животе, нежные прикосновения, и загадочные улыбки. А я хочу всего этого.

Он ослабляет хватку, протягивает руку позади себя и открывает то, что как я понимаю,

дверь, к которой мы были прижаты. Мы практически вваливаемся внутрь, и прежде чем мы двигаемся дальше, Марко захлопывает дверь и толкает меня обратно к ней.

— Останови меня, Кэт.

— Нет, — уверенно говорю я.

Одной рукой он хватается за бедро, а другой, кончиками пальцев оставляет пылающий след вниз по моей ключице, между моих грудей, и еще ниже, пока его пальцы не останавливаются ниже пупка на лобковой кости.

Мои глаза открываются. Дыхание перехватывает.

Щелк.

— Прикоснись ко мне, — мой голос звучит хрипло, даже для меня.

Но он не делает этого. Его тяжелое дыхание заполняет комнату. А я вообще не дышу. Он, кажется, разрывается. Я поднимаю руку к его груди и шепчу:

— В чем дело?

— Я все еще пытаюсь понять, стоит ли тебе соприкасаться с моей жизнью.

Мы стоим, уставившись друг на друга какое-то время. Я задерживаю дыхание. Я чувствую, как начинают проклевываться зачатки отказа. На момент я леденею от страха, прежде чем его прикосновение раздувает пламя во мне еще раз.

Он двигает кончиками пальцев по моему холмику так легко, что я задалась вопросом, прикоснулся ли он вообще ко мне. Я получаю подтверждение этому, когда он прижимается осторожно ладонью ко мне. Я откидываю голову назад так быстро, что она ударяется об дверь с глухим стуком. Я закрываю глаза, хватаюсь рукой за черную рубашку Марко и слегка сжимаю материал в кулак.

Моя грудь вздымается с каждым тяжелым вдохом, и мне интересно, как такое простое прикосновение может так легко завести меня. Я быстро понимаю, что все дело в том, кто прикасается к тебе. Его теплые губы оставляют медленные, продуманные поцелуи на моей челюсти. Его рука начинает медленно тереться об меня туда-сюда, и я не могу удержаться — громко стону.

Не желая того, мои ноги сами собой сжимаются вместе. Ослабляя мой захват, я опускаю мою руку к его и убираю ее от себя. Марко вздыхает — не от раздражения, а от облегчения.

— Я хочу больше, — шепчу я слабо.

Он на мгновение останавливается, вглядывается в мое лицо:

— Ты уверена, что это не из-за Кларка? Я могу быть твоим отвлечением, если нужно, но ты уверена, что все в порядке с той ситуацией?

Я, не спуская с него глаз, беру его руку своей и проскальзываю в мои трусики. Используя собственную руку, чтобы направить его, я медленно провожу его пальцем вверх и вниз по моей влажности, наблюдаю, как его глаза закрываются, и на его лице появляется страдание. Я наклоняюсь вперед на дюйм и прикусываю его подбородок, прежде чем поцеловать в то же самое местечко.

— Ты делаешь это со мной. Не Кларк, — целую его в губы. Один, два, три раза, — а теперь, уладь это.

Его глаза открываются, а брови ползут вверх от удивления. Потом он ухмыляется так, как я люблю:

— Есть, мэм.

Надавливание на мой центр удовольствия заставляет меня задыхаться.

— О, боже, — колени трясутся, тело дергается от такого возбуждения, которого я не

испытывала никогда прежде. Я никогда не понимала, почему вокруг секса была всегда такая шумиха.

Теперь начинаю понимать.

Рой ощущений курсирует во мне, одни противоречат другим, но в целом, огромное чувство счастья наполняет меня. Он делает все так нежно, но в тоже время решительно. Мое дыхание ускоряется. Медленно, затем быстрее. Я хныкаю и извиваюсь от его руки. По-прежнему очень быстро, а потом прежде чем я понимаю...

— О, о, о! — мои глаза резко открываются, рот застывает в форме буквы "О", и я неконтролируемо пульсирую, сжимаясь вокруг его пальцев. Я в свободном падении.

Невероятно. Чистое блаженство.

Яркие огоньки танцуют перед глазами с каждым ударом сердца. Пальцы на ногах скучиваются.

Рука Марко замирает, и я очень благодарна. Прямо сейчас я сверхчувствительна. Я падаю на него, и он дает мне время передохнуть. Он гладит меня по спине нежно, а я прижимаюсь носом к его шее.

Проходит минута, может две. Наконец, я поднимаю голову и смотрю на него. Мои веки сонно трепещут. Я прикусываю губу, чтобы не улыбнуться:

— Я не знаю как тебе, но я думаю, что это стоило твоей неминуемой смерти.

Он сдвигает брови. И моргает какое-то время. Потом откидывает голову назад и начинает смеяться. И в этот момент он выглядит таким расслабленным и беззаботным, что я мысленно фотографирую это для своей памяти. Когда он прячет лицо в моей шее и тихо смеется около нее, я таю.

Щелк.

Маленькая улыбочка растягивается на моем лице. Марко поднимает голову, улыбается и чмокает меня в губы. Без слов, его руки обнимают мою талию, и, смотря на меня, он пятится задом к своей кровати. Когда его ноги ударяются об нее, он садится, хватая меня за бедра и притягивает, чтобы я оказалась между его ног.

В этот момент я счастлива. В этот момент, я не Катарина-послушница, или Кэт-сирота, или даже не Ночная Фурия. Я просто молодая девушка, влюбленная в парня, которому она тоже, кажется, нравится. В этот момент все так просто. И я буду хранить эту простоту всегда.

Мой взгляд дрейфует по комнате. Щеки горят, я закрываю лицо рукой и хихикаю. Марко усмехается, и осторожно убирает мою руку от лица.

— Что? Что такое?

Я поднимаю руку и обвожу ей его комнату, и сухо говорю:

— Все тут не так, — его выражение лица показывает, что он в замешательстве. — В моем сне, эта комната была темная, а не светлая, — показываю в левую сторону комнаты, — кровать была там, и покрывало было другим, указываю в правую сторону комнаты, — и там стояло зеркало.

Его брови удивленно ползут вверх:

— Зеркало напротив кровати? — я медленно киваю, лицо горит. Он с трудом сглатывает: — Ты смотрела на нас вместе?

Я смотрю прямо в его глаза и отвечаю:

— Да.

Его зрачки расширяются:

— Как мы выглядели вместе?

От взгляда Марко меня бросает в дрожь. Я шепчу:

— Как пара животных, которые пытаются разорвать друг друга на части.

Марко втягивает в себя воздух и затем стонет:

— Трахни меня.

Мой ответ шокирует меня. Мои трясущиеся руки поднимаются к его лицу, я беру в ладошки его щеки и шепчу:

— Я сделаю это, если ты позволишь мне.

Я начинаю волноваться, когда он ничего не говорит, только пристально смотрит на меня. Когда его руки хватают край моей футболки, и он тянет ее вверх, все, что я могу сделать, так это поднять руки, чтобы помочь ему. Он не теряет время даром с моими штанами и трусиками. Одним быстрым движением они стаскиваются вниз по моим ногам, пока я не оказываюсь перед ним обнаженной.

Его пристальный взгляд скользит по моему телу, и я знаю, что должна стесняться, но не делаю этого. Это возбуждающе.

Руки на моей талии слегка отталкивают меня. Он встает, и без спроса, я начинаю расстегивать его рубашку, пока он расстегивает ремень. Я чувствую, как он сбрасывает обувь, и слышу, как звенит его пряжка. Его рубашка расстегнута, я стягиваю ее по его мускулистым плечам, вниз по спине, пока не обнажаю его торс.

У меня перехватывает дыхание. Он — Адонис.

Стройное тело — крепкое и подтянутое во всех нужных местах, его руки сильные, и когда он сбрасывает джинсы и боксеры, я вижу пару атлетичных, длинных ног. Он стопроцентно обалденный.

Его эрекция стоит твердая и гордая, молит, чтобы я прикоснулась к ней. Я провожу пальцем вверх по внешней стороне, Марко шипит, а его член счастливо дергается.

В этот самый момент, я протягиваю руку, чтобы обернуть ее вокруг него, но он перехватывает ее, и быстро говорит:

— В следующий раз, ты поиграешь со всем, с чем захочешь, но прямо сейчас мне нужна твоя киска.

Он поворачивает нас и направляет меня, чтобы я легла на середину кровати. Он опускается на колени у края кровати, открывает пакетик из серебристой фольги и надевает на себя презерватив, для меня первый, который я когда-либо видела в своей жизни.

Это выглядит немного странно, но несколько не гасит мое возбуждение. На самом деле, я рада, что он подумал об этом. Бог знает, я не думала. Он ползет ко мне, затем по мне. Мои ноги сами собой раздвигаются, будто приглашают его, и я чувствую, как капелька влажности вытекает из моей щели.

Я уже даже слишком готова для этого.

Он устраивается между моими ногами, и я задыхаюсь, когда самый его кончик целует мой клитор. Он берет член в кулак, и трется им вверх-вниз по моей щели, покрывая себя моей влажностью, теплым возбуждением. Его глаза закрываются, а челюсть напрягается.

— Черт, такая влажная.

Я напрягаюсь, когда чувствую, что он помещает головку члена к моему входу.

Вот тот самый момент.

Он наклоняется к моему лицу и захватывает мой рот в глубоком поцелуе. Он начинает проталкиваться в меня, и когда он достигает преграды, останавливается. Я вздрагиваю,

пытаясь скрыть неловкость, и он издаёт смешок. Его пальцы скользят по моей щеке:

— Я говорил тебе, Кэт. Я знаю о тебе все. Я знаю и об этом. Все в порядке.

Мои щеки пылают.

О, спасибо, боже.

Он оставляет нежный поцелуй на моих губах:

— Будет больно, но это не продлится долго. Если ты захочешь, чтобы я остановился, просто скажи мне это в любой момент, и я остановлюсь, — я смотрю в его глаза, и вижу только искренность. И она согревает меня:

— Хорошо.

Его руки проскальзывают под меня, обнимают спину. Он начинает продвигаться дальше, и я вынуждаю себя дышать. Он улыбается, и я не могу удержаться, улыбаюсь ему в ответ.

Моя улыбка умирает быстрой смертью. Боль.

Ох, боль.

Живот схватывает, и я стону низко и протяжно, звук немного похож на стон раненного животного. С каждым легким толчком он растягивает меня больше и больше. Мои руки взлетают в воздух, и я хватаюсь за его плечи. Мои ногти впиваются в его кожу. Слезы заполняют глаза, и я начинаю учащенно дышать.

Марко стискивает зубы, как будто ему тоже больно, двигается все дальше и дальше в меня, пока между нами не остается пространства. Его тело становится напряженным, и я знаю, что он использует всю свою силу воли, чтобы не начать толкаться в меня как сумасшедший.

Он тихо успокаивает меня, и оставляет легкие поцелуи на моей шее. Я пытаюсь взять под контроль свое дыхание, но это сложно. Проходит мгновение, потом еще. Боль начинает отступать, в то время пока мы лежим соединенные самым интимным способом. Я открываю глаза и смотрю на него.

Он так нежно смотрит на меня, и я даже не знаю, почему. Он шепчет:

— Скажи, когда почувствуешь себя лучше.

Боль утихает, и ощущение неудовлетворения появляется во мне, будто то, что он внутри меня приятно, но чего-то не хватает. Чего-то страстного. Мое дыхание неровное:

— Сейчас. Прямо сейчас. Больше, пожалуйста.

Он толкается глубже в меня, тем самым вызывая стон. Громкий. Мои веки трепещут и закрываются, я слышу его напряженное:

— Даже не думай, черт побери, так делать. Открой глаза, малышка. Смотри на меня.

Грудь тяжело вздымается, я открываю глаза, и они встречаются с его глазами. Он ухмыляется и продолжает сдержанно, глубоко толкаться в меня.

— Вот так. Смотри на меня.

Внезапное чувство нужды исходит прямо из моей сущности.

Больше.

Мне нужно больше.

Щелк.

Я поднимаю ногу и кладу ее на его бедро. Он рычит. Я шепотом молю:

— Еще. Быстрее.

Он начинает двигаться жестче, челюсть сжата, кусает губу, толкается глубоко и быстро. Я пробираюсь руками под его руки, чтобы обнять его за спину, и чистое блаженство

согревает мое тело, когда я чувствую, что все его тело усыпано капельками пота.

Это все для тебя. Это усилие, эта работа. Все для тебя, Кэт.

Мой оргазм, еще один, наступает жестко и быстро. Позвоночник начинает покалывать. Белые пятна мелькают перед глазами. Мои ногти впиваются в спину Марко. Когда я напрягаюсь вокруг него, он стонет:

— Да, малышка. Черт. Кончай.

Моя голова откидывается назад в приступе удовольствия. Спина выгибается, прижимая переднюю часть моего тела к его сильному, восхитительному телу. Я задыхаюсь, затем стону:

— Марко, — моя киска сжимается вокруг него, стискивает его. Благодарит его.

Его рот открывается в безмолвном стоне, а глаза закрываются, когда его толчки становятся неуправляемыми. Он зарывается носом в мою шею, и запах его одеколona распространяется по мне.

Он пахнет восхитительно.

Все еще плавая в отголосках удовольствия, я поднимаю руку, хватаю его затылок и удерживаю его около себя. Звук нашего совместного тяжелого дыхания заполняет комнату. Внезапно его бедра еще раз дергаются, затем успокаиваются. Он рычит у моей шеи, а затем кусает меня за местечко между плечом и шеей.

Неожиданный укус заставляет мои собственные бедра дернуться навстречу к нему.

Его тело напрягается. Он кусает сильнее. Я ловлю ртом воздух и чувствую, как его член дергается внутри меня. Низкий горловой стон вырывается из него. Потом он кончает. Мы истощены. Мы падаем от усталости, наши груди тяжело вздымаются.

Я трепещу. Неудивительно, что люди делают это, и часто. Мы только закончили, и я хочу сделать это вновь. Сердце бешено колотится.

Щелк.

— Это было удивительно, — шепчу я дрожащим голосом.

Все еще сплетенных, Марко переворачивает нас на бок, и внимательно смотрит на меня. Его взгляд такой глубокий, такой решительный, что я избегаю этого взгляда и опускаю подбородок к его груди. Он просовывает пальцы под мой подбородок и поднимает мое лицо. Мои глаза неохотно встречаются с его, и я смотрю, как его губы дергаются. Он бормочет благоговейно:

— Ты удивительная.

Он прижимается своим ртом к моему, и мои глаза закрываются от этого прикосновения. Я чувствую этот поцелуй глубоко в душе. Этот поцелуй не действие. Это — разговор. Так много можно сказать поцелуем. Мои пальцы задевают его подбородок, когда я углубляю наше прикосновение.

Я чувствую, что его губы искривляются напротив моих, и я ухмыляюсь в ответ. Он хихикает в мой рот.

— Это, черт возьми, стоило того.

Боже мой, я обречена.

Глава 16

Ускользнуть из комнаты Марко было нелегко. Не потому, что я боялась, что кто-то увидит меня. Вполне очевидно, что вряд ли кто-то бодрствовал в 4 утра. Проблема

ускользнуть из комнаты Марко... была в самом Марко.

— Не уходи. Останься здесь. Еще на несколько часов, — он хватает меня за руку и рассуждает: — просто поспи со мной. Я поставлю будильник, и мы вместе проснемся, — он ухмыляется и разглядывает мое тело, — и примем вместе душ.

Я усмехаюсь:

— Ага, это будет супер, — я выпрямляюсь и пародирую то, как вероятнее всего, все случится: — Привет, Боб! Ага, Кэт и я спали вместе, а теперь собираемся в душ. Что такое? Ты собираешься убить меня? — смотрю на мой живот и моргаю. — Ты, мать твою, ранил меня, Боб! — для драматизма я падаю на кровать и закрываю глаза. — Вот черт, я умер.

Тихий смех Марко сотрясает кровать, и я ухмыляюсь. С ним так легко болтать и шутить. Не думаю, что когда-либо прежде чувствовала себя так комфортно рядом с каким-либо человеком.

Поле секса Марко настаивал, что хочет искупать меня, но не было ни единого шанса, что я рискнула бы, чтобы нас поймал кто-нибудь в душе вместе. В “Мираже” была общая ванная комната, как в спортзале или колледже. Представьте себе жилые помещения, как комнаты в общежитии, необычных комнаты, но все же без собственной ванной комнаты.

Когда я отказалась принять с ним душ, он вздохнул, будто я раздражала его, встал, снял презерватив и какое-то время бродил по комнате. Он подошел к кровати с бутылкой воды и полотенцем.

Полотенце было белое.

Мои глаза расширились. Я дернула подбородком в сторону полотенца и фыркнула:

— Я не буду его использовать.

Он посмотрел вниз на полотенце:

— Почему нет?

Я, задыхаясь, говорю:

— Оно белое!

Он пялится на меня, явно не понимая о чем я. Я закатываю глаза:

— Оно станет красным, после того, как я воспользуюсь им.

Он пожимает плечами:

— Я скажу, что порезался, когда брился.

Я колеблюсь, он вздыхает:

— Ты хочешь, чтобы я нашел темное?

— Да, пожалуйста, — счастливо бормочу я.

В комнате было тихо, когда он надел джинсы и вышел. Ему потребовалась минута, чтобы найти другое полотенце. Когда он вернулся с красным полотенцем в руке, я встала, подошла к нему и протянула руку, чтобы взять полотенце. Он с негодованием посмотрел на мою руку и отодвинул полотенце вне моей досягаемости:

— Если хочешь полотенце, тебе придется заплатить за него.

Мои глаза сощурились:

— Чем?

Его глаза слегка прикрылись:

— Иди сюда.

Делаю шаг к нему и пишу, когда его руки обнимают меня и поднимают в воздух, удерживая меня вплотную у его голой груди. Он захватывает мои губы в требовательном поцелуе. Поцелуй, который ощущается так замечательно и оставляет во мне желание.

Когда он отпустил меня, он посмотрел вниз и убрал прядь волос мне за ухо:

— Долг оплачен.

Он отдал мне полотенце, взял бутылку воды, и поставил ее в пустующий угол его комнаты. Я мылась в тишине, стоя спиной к Марко, довольная, что не могу видеть кровь на мягкой ткани, которой я очищала себя.

Как только я закончила, я вернулась к кровати и плюхнулась на нее в приятные руки Марко.

Я чувствовала себя маленькой, лежа рядом с ним, и то, как его тело возвышалось над моим, заставляло меня чувствовать себя защищенной и в безопасности. Его мягкий характер определенно удивил меня, как и его потребность прикоснуться ко мне. Я ожидала чего-то другого, но я была счастлива, что получила именно это. Чрезвычайно счастлива.

Он поднимает мою руку и играет с пальчиками, избегая моего пристального взгляда.

— Не уходи.

Он был таким милым и внимательным, и я правда, правда хотела остаться. Но все-таки ушла.

Он поцеловал меня около своей двери, и потом оставил еще поцелуй на моей руке, той руке, которую держал своей. Он пытался убедить, что меня нужно проводить до церкви. Я уверила его, что была уже большой девочкой и гуляла в такое время много раз раньше. Неохотно, он отпустил меня, и я шла весь путь до моей комнаты с огромной улыбкой на лице.

Для первого раза все прошло очень даже хорошо. У меня прелестно болело там — достаточно, чтобы напомнить мне почему, но недостаточно, чтобы никогда больше не захотеть этого. Великолепное сочетание.

Когда я захожу в мою комнату, я сонно смотрю на часы. Время 4.25 утра.

Мои губы кривятся. Нет времени спать сегодня утром. Если я попытаюсь сейчас уснуть, есть шанс, что я просплю весь день. Я и так уже достаточно отдалилась от моей работы по дому, я не хочу разочаровывать Отца Роберта, так что я принимаю быстро душ, загадочно улыбаясь сама себе, когда осторожно мою болезненное местечко между ног, надеваю свою униформу и покрывало и спускаюсь вниз на кухню.

Снаружи все еще темно, я включаю свет над столешницей и начинаю раскладывать ингредиенты для приготовления хлеба. С тех пор, как мне исполнилось десять лет, мне не нужен рецепт. Это моя вторая сущность.

Я замешиваю хлеб, потом позволяю ему подняться. Я прикладываю палец к столешнице и надуваю губки.

Что теперь?

Я ловлю себя за секунду до того, как моя голова врежется в столешницу.

Проклятье.

Мои веки тяжелеют, дремота тихо нападает на меня. Мне нужно пошевелиться, или я засну, прям стоя. Решительно мотаю головой, заставляя себя прокашляться и открыть глаза так широко, как только могу, затем зеваю и натываюсь на шкаф в коридоре. Прямо сейчас, кажется, неплохо было бы приняться за уборку. Для этого мне придется использовать все мое тело.

Я киваю, моргаю, дважды засыпаю, пока жду, когда наполнится ведро.

Потом засыпаю, используя швабру в качестве опоры посреди невымытого пола на кухне. Потом, пока жду, когда выпечется хлеб.

Когда звенит таймер, я, испугавшись, вскакиваю и встаю в низкую защитную стойку, готовая атаковать.

Вынимаю хлеб, чтобы он охладился, и решаю сделать на завтрак кексы. Я замешиваю тесто, постоянно потягиваясь и зевая. Я выливаю неровно тесто в формочки и практически закидываю их в духовку.

Я. Не. Должна. Уснуть.

Я быстро мою шваброй другую половину кухни, мою посуду, чищу столешницу, затем сажусь за кухонный стол и жду, когда испекутся кексы. Когда таймер будит меня во второй раз, я подпрыгиваю со стула, полухрапя, размахиваю руками на моего потенциального противника. Я просто киплю от раздражения:

— Черт!

Вытаскиваю кексы из духовки, выключаю ее и выхожу на улицу к моему самому любимому занятию — заботиться о моем саде. И работая в саду, я, вероятно, засну на скамейке под большим дубом, да я точно это сделаю.

— Кэт?

Я убираю руку со лба.

— Кэт, проснись.

Голос в моей голове не замолкает. Более решительный на этот раз:

— Клянусь Богу, девочка, если ты не откроешь глаза и не подашь хоть какой-нибудь знак, что с тобой все в порядке, я закину тебя на плечо и отвезу прямиком в больницу.

Что?

Где я?

Я издаю стон, моя рука подлетает к голове, которая дико болит, пока я пытаюсь разлепить глаза. Спустя пару секунд, мне все-таки удается посмотреть одним глазком, и я натываюсь прямо на Боба, который выглядит очень обеспокоенным. Сажусь на скамейке, потягиваюсь и зеваю:

— Извините, Отец. Я не осознала, что заснула.

Он опускает брови:

— Пытался разбудить тебя уже какое-то время. Ты нормально себя чувствуешь?

Во рту все ужасно пересохло:

— Я в порядке. Извините, что побеспокоила вас. Я проснулась раньше, чем обычно, сделала всю работу по дому до того, как рассвело. Я вышла сюда, чтобы заняться садоводством, и должно быть потеряла сознание.

Он не выглядел убежденным. Я думаю, небольшая правда не причинит боль:

— Я, правда, спала не очень хорошо прошлой ночью.

— Ладно, почему бы тебе не пойти немного поспать? Я могу заставить кого-то другого поработать сегодня вечером.

Мои глаза расширяются:

— Нет! — Брови Боба от удивления ползут вверх, но я не могу остановиться и начинаю защищаться. — Я знаю, я самая юная здесь, но если бы я находилась где-то в другом месте, я бы получила уже десять заданий, Боб. Перестань выделять меня. Я должна получить эту работу. Это моя гребаная работа.

Кровь кипит во мне. Я стискиваю зубы и обнажаю их, как бешеная собака:

— Что, черт побери, я должна еще сделать, чтобы доказать, что готова? — он сидит и

наблюдает за мной ничего не выражающим взглядом. Я тут же раскаиваюсь и сбавляю обороты.

Я провожу рукой по лицу и вздыхаю:

— Ты всегда говорил, что я здесь для этого, что для этого меня и принесли сюда. Это — Божья воля. Тогда почему ты отказываешь мне вправе выполнять мое предназначение в жизни?

Боб опускает подбородок и смотрит на свою обувь. Его голос нехарактерно мягок:

— Я не наблюдал, как росли все остальные. Я не выгонял монстров из-под их кроватей, когда им было семь лет. Или не читал им, пока они засыпали. Или не нарезал им мясо, пока им не исполнилось десять. Я не воспитывал их как своих собственных, Кэт, — он делает паузу. — Злись на меня, если хочешь, но это сложно для меня. Я не ожидал, чтобы буду чувствовать такие эмоции, когда ты будешь готова пойти своим собственным путем, и то, что произошло с Джеймсом, было оправданием для меня, чтобы удержать тебя. Так я ухватился за это. Ухватился обеими руками. Потому что я не готов отпустить тебя.

Мое сердце сжимается в груди. Я чувствую, как пульс стучит в висках. Я не знаю, что ответить на это.

Боб кивает:

— Ты хочешь, чтобы я относился к тебе, как к остальным членам команды, значит, ты пойдешь на задание сегодня одна, — он улыбается, хотя в его глаза светится печаль. — Это твоя работа, девочка. Ты можешь сделать это. Я верю в тебя.

Его рука хватает заднюю часть моей шеи таким знакомым движением, мои глаза закрываются, комок эмоций забивает горло. Он прижимает свои губы к моему лбу:

— Бог с тобой, дитя.

Мой тихий голос дрожит:

— И с Вами, Отец.

Он оставляет меня на скамейке, немного побежденной... и очень напуганной.

Глава 17

Я чувствую себя отвратительно. То, что на мне надето — отвратительно. Если бы я могла отказаться от этого прямо сейчас, я бы так и сделала. Задница мерзнет. Зубы стучат. Я не могу поверить, что вот это — моя работа на сегодня. Я нахожусь в этом месте почти час.

Ближе к полуночи я вижу, как мое задание приближается по пустынной грунтовой дороге. Время действовать.

Я обнимаю себя руками и вызываю у себя сильную дрожь. Зубы стучат сильнее, чем я могу позволить себе, но мне нужно казаться жалкой. К счастью, я за три города от своего, и поэтому меня никто не узнает, даже если бы они внимательно посмотрели на мое лицо. Я начинаю выходить на дорогу и жду.

Красный грузовик, который я знаю, медленно приближается позади меня, а затем останавливается:

— Извините, мисс? С вами все в порядке?

Мои глаза закрываются. Я прикусываю щеку изнутри и чувствую, что глаза начинают слезиться.

— Нет. Я...ум, — мои губы дрожат. — Я потерялась.

Трентон Хайк обходит меня, чтобы взглянуть на мое лицо. Ему за тридцать, и он,

правда, симпатичный мужчина. Высокое, крепкое тело от физической работы, его руки мускулистые, а футболка, в которую он одет, не скрывает никак тот факт, что он силен. Его карие глаза рассматривают мое лицо. Его грязные темно-каштановые волосы в беспорядке. Когда он смотрит вниз на мою школьную форму, его глаза вспыхивают и расширяются.

Ну, это не займет много времени. Чертов извращенец.

Френки и Ари хорошо постарались, чтобы я выглядела как школьница. Косички и все такое. Теперь мое дело изображать абсолютную невинность. В конце концов, я должна была соблазнить негодяя. Я должна сесть с ним в его грузовик.

Хайк говорит:

— Что такая милая девочка как ты, делает здесь, а?

Я прикусываю губу и носком туфли вожу по грязи. Я опускаю подбородок:

— Парень, с которым я встречалась, привез меня сюда. Когда я отказалась поцеловать его, он бросил меня здесь. Если бы я знала, что он оставит меня, я бы поцеловала его, — слезы катятся по моим щекам, я смотрю на Хайка. — Я не знаю, где я.

Он делает шаг ко мне и кладет руку на мое плечо:

— Я отвезу тебя домой, если хочешь, — я моргаю, что, я надеюсь, выглядит, будто я трепещу. — Вы сделаете это, мистер?

Он вздыхает:

— Наверняка мне придется свернуть с моего пути, но да, я отвезу тебя домой, — его большой палец гладит мое плечо. — Ты слишком симпатичная, чтобы оставаться здесь одной, — он улыбается, как он думает, дружеской улыбкой, но для меня она выглядит мерзкой. — Как тебя зовут, мисс? — он делает паузу. Его голос понижается на октавы. — Сколько тебе лет?

Я говорю в нос:

— Я Рейчел. И мне пятнадцать.

Хайк качает головой.

— Разве твои родители не говорили тебе, что нельзя садиться с мальчиками в машину?

Я пожимаю плечами и шепчу:

— У меня нет родителей.

Если бы я моргнула, я бы не заметила, как его лицо освещается на какую-то микросекунду.

Он быстро прячет свое выражение лица и бормочет:

— Давай, доставим тебя домой, — затем идет к грузовику. А я практически вприпрыжку бегу к его грузовику.

Давай сделаем это.

Когда мы оба в грузовике, он спрашивает:

— Куда мы направляемся?

— Гринвуд.

Хайк сощуривает глаза:

— Гринвуд? Какого черта ты оказалась здесь? Он ведь далеко отсюда.

Протягиваю руку и сжимаю в кулаке ремень безопасности, и шепчу извиняющимся тоном:

— Мне очень жаль. Я знаю это далеко, — я замолкаю, а потом спрашиваю напугано. — Вы теперь не отвезете меня домой?

Хайк вздыхает, и я понимаю, что игра началась:

— Я отвезу тебя домой, Рейчел. Я сказал, и я сделаю это.

Но?

— Но мне просто любопытно, — бинго. — Почему ты не поцеловала мальчика сегодня? Поцелуй — это такая мелочь. Это ничего не значит. Почему ты просто не сделала это? — он ухмыляется. — Тебе, возможно, понравилось бы.

Я так близка к тому, чтобы прикончить этого ублюдка прямо сейчас.

Вместо этого я прикусываю губу и смотрю на него из-под ресниц:

— Я хотела. Я просто не знала как.

Хайк смотрит вверх, и я уверена, он думает, что сорвал несовершеннолетний куш. Я рада, что он так чувствует. Посмотрим, как он будет чувствовать себя минут так через десять.

Он опускает лицо и смотрит прямо вперед:

— Я могу показать тебе, — он наблюдает за мной краем глаза. — В этом нет ничего такого. Это легко.

Я морщу лоб:

— Я не знаю...

Хайк поднимает руки, словно он сдаётся.

— Один поцелуй. Потом, если ты захочешь остановиться, мы остановимся, — он кладет руку на сердце. — Клянусь.

Я смотрю на него, размышляя.

— Один поцелуй? Потом отвезете меня домой?

Хайк дергает головой:

— Если это то, чего ты хочешь.

Я вскидываю руки и смотрю на коленки.

— Хорошо.

Это та часть, которой я боюсь.

Знаю, что Марко и Кларк слушают нас.

Хайк опускается ниже на сидении и приближается к моей стороне, прежде чем я могу сделать вдох. Смотрю на него широко распахнутыми глазами и шепчу:

— Я не знаю что делать, — он гладит меня по щеке и наклоняется ближе:

— Я покажу тебе.

Я потрясена своей реакцией на эту небольшую игру. Я, кажется, возбуждаюсь.

Он опускает свое лицо к моему, пока наши губы не соприкасаются, и он говорит напротив них тихо:

— Ты просто прижимаешь свои губы к моим и целуешь меня. Делай как я, детка. Мы начнем медленно.

Потом мы целуемся. И чтоб меня, я должна сжать ноги вместе. Сильно. Я чрезвычайно возбуждена.

Он нежно целует мои губы, держит руки при себе, используя только губы. Отстраняясь, он говорит:

— Ну как?

Я моргаю:

— Приятно. Мне понравилось, — я вспыхиваю, понимая, что я фактически лежу.

Он ухмыляется:

— Еще?

Кивая, я двигаюсь, чтобы встретить его на полпути. В этот раз, когда его губы встречаются с моими, я стону и слышу, как Хайк рычит:

— Черт. Ты готова уже.

Его язык проскальзывает в мой рот, и машинально я поднимаю руки, чтобы взять в ладошки его щеки, прижимаюсь к нему грудью. Его руки обнимают меня. Я поднимаю ногу, чтобы положить ее на его бедро, делаю это специально, так он может мельком увидеть мои белые трусики.

Наши поцелуи за секунду превращаются из нежных в развратные. Он дошел до нужного состояния, я знаю это.

Он прикусывает мою нижнюю губу, и я начинаю тереться об его бедро. Его громкий стон заполняет кабину, и потом он усаживает меня на свои колени, мои ноги раздвинуты. Все еще целуя, он хватается за мою попу и прижимает меня к нему, трется своей промежностью о мою.

Стон, который я выпускаю, слишком настоящий. Мои соски напряжены, и я близка к оргазму.

Он отстраняется от меня и наблюдает за мной едва приоткрытыми глазами:

— Ты когда-нибудь трогала себя раньше?

Мои глаза расширяются, я не отвечаю.

Он еще немного трется об меня:

— Не стесняйся. Я хочу, чтобы ты кончила. Ты прежде испытывала оргазм, детка? — я энергично качаю головой, и он усмехается. — Хорошо. Я рад, что буду твоим первым.

Его бедра начинают вращаться, и его покрытая джинсой выпуклость трется об мое волшебное местечко. Мои глаза закатываются.

— Да, — с каждым вращением, он притягивает меня все глубже на себя, вызывая соприкосновение. Вызывая реакцию.

Он получает ее.

Мое сердце бешено колотится. Дыхание становится тяжелым, глаза резко распахиваются, когда моя сердцевина сжимается. Затем, конец.

Я взбрыкиваю, прижимаясь промежностью прямо к нему. Я дергаюсь, пульсирую, освобождаясь, и стону:

— О, боже.

Когда я начинаю выплывать из моего удовольствия, я уже даже не сомневаюсь.

Смотря в глаза Хайку, дотягиваюсь рукой до своей темно-синей спортивной сумки и вытаскиваю оружие, которое выбрала на сегодняшний вечер. Его тело дергается, когда он видит это. Его глаза шокировано расширяются.

— Что, мать твою, это?

— Охотничий нож, — отвечаю я автоматически, держа в руке десятидюймовое зазубренное лезвие перед своим лицом.

Хайк с трудом сглатывает:

— Зачем он тебе?

Все еще сижу на его коленях, откидываюсь назад на приборную панель и устраиваюсь удобнее.

— У тебя есть дурная привычка, Трентон, — я наблюдаю, как его шокированное выражение лица превращается в чистый страх. Я качаю головой и продолжаю объяснение. — Почему ты не мог оставить тех девочек в покое? Они не хотели тебя, ты

вынуждал их, — мои брови ползут вверх: — А это крайне непозволительно, мистер Хайк.

— Это ложь, — шипит он. — Каждая чертовка умоляла о моем члене, так же как и ты, маленькая шлюха.

— Я маленькая шлюха?

Выражение лица Хайка вызывает во мне желание рассмеяться. Я наклоняюсь ближе к нему и облизываю его щеку.

— Я, правда, хочу твой член, мистер Хайк, — хватаясь за его футболку, я детским голоском спрашиваю. — Могу я получить его, мистер?

Его опустившаяся эрекция, начинает вновь подниматься, когда я начинаю тереться об него.

— Ты хочешь, чтобы я трахнула тебя, Трентон?

Тяжело дыша, он шепчет:

— Черт, да.

Затем я целую его. Глубоко, как будто соглашаюсь на это:

— Хорошо.

Без предупреждения, я втыкаю лезвие в его живот резко и уверенно, но пока не двигаю дальше. Я кривлю губу:

— Будь осторожен со своими желаниями, Трентон Хайк.

Трахнуть тебя, я сделаю это, мистер Хайк. Я трахну тебя, сильно.

Он пытается бороться со мной, но это жалкая попытка. Он останавливается вскоре после того, как понимает, что умирает. И никто не в состоянии помочь ему. Глаза широко раскрыты, а слезы катятся вниз по его щекам. Он бормочет снова и снова:

— Нет, — пока не начинает закашливаться, плевать, кровь начинает вытекать из его рта.

Я наблюдаю, как он слабеет, бледнеет и хрипит, и наконец, делает свой последний вздох. Свет исчезает из его глаз, и я впииваюсь в них взглядом:

— Глупый ублюдок, — мое дыхание сбивается от напряжения, и я, ни к кому в частности не обращаясь, говорю: — Заберите меня.

Не проходит минуты, черный Мерседес останавливается около красного грузовика. Я запрыгиваю в него и даже не здороваюсь с Кларком.

Я пристегиваю ремень безопасности, включаю радио громче и сворачиваюсь клубочком около двери. Я вздыхаю. Все, что я хочу — это принять душ и побыть немного с Марко.

Глава 18

На сей раз возвращение в Мираж отличается от предыдущего. Нет никаких поздравлений и фанфар, как было после моего первого задания. По факту, Френки и Ари уже спят. Боб ждет, чтобы убедиться, что меня не ранили, но после того как он убеждается в этом, он целует меня в лоб и тоже отправляется спать.

Я не уверена, чего ожидала, но точно не Марко, который сидел за своим столом и впился в меня своим взглядом. Кларк бросил мне натянутую улыбку:

— Спокойной ночи, Кэт. Рад, что ты в безопасности.

Я вернула ему такую же напряженную улыбку:

— Спасибо. Спокойной ночи.

И вот теперь мы одни.

Марко так резко поднимается, что у меня перехватывает дыхание. Он шагает ко мне, челюсть сжата. Его взглядом можно было бы убить. Я облажалась.

— Смой его с себя. Потом приходи ко мне.

И это ударяет в меня. О, вау. Он зол на меня. Я могу практически сказать, что он... Я прислоняюсь к столу Кларка и ухмыляюсь:

— Ты ревнуешь?

Марко ухмыляется в ответ, только как-то криво и жестоко:

— Я не ревную, котенок. Теперь, марш в душ.

Я наблюдаю, как он идет по коридору в свою комнату.

Мысль о том, что Марко ревнует, вызывает у меня головокружение. Я прямо-таки бегу в душ, раздеваюсь, а затем тщательно моюсь под чуть теплой водой.

Оборачиваю вокруг себя полотенце, беру одежду и иду вниз по коридору. Я не стучусь, когда подхожу к комнате Марко. Я открываю дверь и быстро проскальзываю внутрь.

Меня приветствует темнота.

Свет у кровати включается, слегка освещая комнату. Когда я смотрю на кровать, я борюсь с собой, чтобы не проглотить язык. Марко лежит на кровати, руки за головой, покрывало едва прикрывает его тело. От вида его обнаженного торса и ног у меня бегут слюнки. Я подхожу к кровати, бросаю одежду на пол и ложусь на него. Все еще во влажном полотенце, я лежу на нем и обнимаю его руками. Я закрываю глаза и надеюсь на лучшее.

Нерешительно, его руки обнимают меня. Он сильно сжимает меня. Слишком сильно. Но мне нравится это. Мои веки начинают тяжелеть. Дыхание стабилизируется. Свет лампы исчезает, и Марко гладит кончиками своих пальцев мою спину.

Так же быстро, как я засыпаю, он целует меня в висок. Молчание. Затем, шепотом:

— Я ревновал.

И я засыпаю с глупой усмешкой на лице, крепко сжимая его в объятиях.

Глава 19

Я просыпаюсь от ощущения мягких губ на моей щеке. Мои веки трепещут и открываются, чтобы увидеть улыбающегося Марко, который стоит передо мной, одетый для рабочего дня.

— Мне нужно работать сегодня, но ты можешь остаться здесь и поспать, если хочешь.

Моргая, сажусь на кровати.

— Нет. Я пойду отсюда. Дай мне секундочку только.

Он смотрит на часы:

— Слушай, нет времени ждать. Просто запри дверь изнутри и захлопни ее, когда будешь уходить.

Я киваю:

— Хорошо.

Он наклоняется ко мне и захватывает мои губы в медленном, нуждающемся поцелуе. Я стону в его рот, и он ругается:

— Черт. Мы точно продолжим это позже, дорогая.

Мне нравится, как он называет меня "дорогая".

Целует меня еще раз, отстраняется и подмигивает мне.

Такой прекрасный.

Мужчина волшебным образом восхитителен.

По-прежнему слабая после предыдущей ночи, я быстро собираю одежду с пола около кровати и начинаю одеваться. Но я не могу найти трусики.

Я осматриваю кровать, заглядываю за спинку кровати, но не вижу их. Более вероятно, они лежат под кроватью, я падаю на колени со стоном и засовываю руку под кровать, прощупывая все.

Слишком рано для всего этого дерьма.

Я не нахожу свою вещь. Сбитая с толку, я оглядываю комнату, но не вижу их. Должны же они где-то быть, проклятье. Мне по-прежнему казалось, что под кроватью самое то место, чтобы потерять трусики, я опять падаю на колени и просовываю под кровать голову.

Ага!

Я замечаю их. Довольно далеко, но думаю, достану. Я вытягиваю руку и хватаю трусики, но что-то там еще вместе с ними. Я быстро натягиваю трусики и смотрю на черный маленький бумажник.

Я должна положить его обратно.

Ага. Ты должна.

Я просто засуну его обратно. После того, как загляну внутрь.

Я открываю бумажник и заглядываю внутрь. Моргаю и резко захлопываю его. Потом открываю еще раз и читаю. Мои брови сходятся на переносице.

Это не может быть правдой.

Неспособная стоять, я сажусь на край кровати. Еще раз открываю бумажник и читаю. Читаю, пока слова и числа не сливаются в единое пятно. Я читаю, пока мои глаза не заполняются слезами. Я читаю, пока гнев не обжигает мои внутренности.

Наконец, я опускаю руку с бумажником вниз и смотрю в пустоту.

— Я, черт возьми, убью его.

Конец Первого Акта.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

[1] Эскрима — филиппинское боевое искусство

[2] бастон — палка

[3] ларго мано янток — длинная палка из ротанга.

[4] Визор — ветрозащитные экраны мотоциклетного шлема

[5] Дебби Даунер — персонаж культового американского шоу Saturday Night Live (Субботним Вечером в Прямом Эфире), в исполнении Rachel Dratch, наводящий на всех тоску своими замечаниями и высказываниями.